

SCOPE ACADEMIC HOUSE

International Conference
«MODERN JURISPRUDENCE:
LEGAL THOUGHT AND ENFORCEMENT PRACTICE»

December 28, 2014, Sheffield, UK

Conference Proceedings



SCOPE ACADEMIC HOUSE

B&M PUBLISHING

2nd International Conference
«MODERN JURISPRUDENCE:
LEGAL THOUGHT AND ENFORCEMENT PRACTICE»

December 28, 2014, Sheffield, UK

Conference Proceedings

Scope Academic House
UK, S Yorkshire, Sheffield

B&M Publishing
USA, San Francisco, California

SCOPE ACADEMIC HOUSE
B&M PUBLISHING

2nd International Conference
«MODERN JURISPRUDENCE:
LEGAL THOUGHT AND ENFORCEMENT PRACTICE»

Science editor: Prof. R. Berton

Copyright © 2014
by Research and Publishing Center
«Colloquium»

ISBN-10:1941655157
ISBN-13:978-1-941655-15-3

All rights reserved.

DOI: 10.15350/UK_1/2

Published by B&M Publishing.

For permission to use material from this text,
please contact the publisher at
San Francisco, California

Table of contents

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	
Development of the first degree at universities in Western Europe <i>M. Skorobogatova</i>	5
The theoretical and legal characteristic of mechanisms of responsibility of executive power in Russia and foreign countries <i>A. Chepus</i>	10
FINANCIAL LAW	
Electronic commerce as the new phenomenon is in a world economy <i>D. Zaporozhtsev</i>	15
STATE REGULATION OF INNOVATION DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS	
Theoretical and practical recommendations on improving support from the government to innovative development of small businesses in a system of economic security of Ukraine <i>O. Azurova, V. Vygovska, V. Marhasova</i>	19
ADMINISTRATIVE LAW	
Formation and evolution of concepts of discretionary power and discretion in domestic and foreign legal and administrative science <i>A. Girvits</i>	25
Prospects for the development of the concept of public service under french law <i>V. Maximov</i>	31
INTERNATIONAL LAW	
Regulatory and enforcement practice of international cooperation in the sphere of russian cultural values as a special object of study of the legal knowledge: historical and legal aspects <i>A. Afanasyeva</i>	34
Foreign economic transactions of public law entities in the context of russia's civil law reforms <i>Z. Bugaev</i>	38
SOCIAL SECURITY LAW	
On the deferred retirement: advantages and disadvantages <i>A. Nosulenko</i>	42
ENVIRONMENTAL LAW	
Institute of public ecological control: problems of practical implementation and their solutions <i>R. Kadyrov</i>	47
LAW OF DOMESTIC RELATIONS	
Features of legal regulation hereditary relations in western states on the current stage of development <i>S. Zhelonkin</i>	52
MODERNIZATION OF THE CIVIL LAW. PATENT LAW AND COPYRIGHT LAW	
Legal protection of citizen's image: the practice of the European court of human rights <i>E. Grin</i>	56

The features of security agreements <i>O. Grin</i>	60
Research and studying of real true-life stories of citizens as base for successful explanation of the course of civil law <i>V. Maximov</i>	63
About need of modern theoretical reconsideration of superfitsy institute within reform of the civil legislation of the Russian Federation <i>E. Yablochkina</i>	67
Development of pledge of goods in the turn in the conditions of reforming of the civil legislation of Russia <i>M. Gareev</i>	71
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
Pregnancy condition as the factor of influence on a criminal liability <i>K. Dyadyun</i>	75
Responsibility for sale of alcoholic products by the minor in the russian federation and foreign countries: comparative and legal analysis <i>M. Telyatnikova</i>	86
CRIMINAL PROCEDURE. TRACKING ACTIVITIES	
Inquiries in abbreviated form in the modern criminal procedure Russia <i>E. Fomina, E. Kalutsky, I. Chebotareva</i>	91
The use of operative investigative activities in the search for missing persons <i>A. Volynets</i>	97
JUDICIAL POWER	
To the question about the authority of the judicial power in Russian Federation <i>L. Kosenko, S. Kosenko, K. Shestakov</i>	102

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

DEVELOPMENT OF THE FIRST DEGREE AT UNIVERSITIES IN WESTERN EUROPE

¹M. Skorobogatova

*1. Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Taurida National V.I. Vernadsky University, Russia*

The article shows the history of the formation of the first degree from the University of Western Europe. These were: Bachelor, Licence and Master or Doctor. Preparation for each degree has its own characteristics and depending on the university and the faculty.

Keywords: first university degrees, the history of universities, higher education in Western Europe.

В условиях реформирования системы подготовки научных кадров и ученых степеней в странах-участницах Болонского процесса необходимым является изучение истории появления первых университетских степеней и этимологии их названий. На основании чего, целью статьи является анализ истории становления первых степеней в университетах Западной Европы: бакалавр, лицензиат и магистр или доктор.

Так, первой степенью в средневековом университете Западной Европы была степень «бакалавр». Изначально, до появления официальных нормативных документов к преподавателям университетов степень бакалавра являлась ученой исключительно в определении признака принадлежности к единой ученой корпорации, т.е. к университету. Позже степень бакалавра стала пропедевтическим этапом для дальнейшего обучения или для занятия низших должностей вне университета. С одной стороны, бакалавр уже начинал преподавать и должен был пройти достаточно сложные испытания, но, не смотря на это, он не проходил *обряда инаугурации*, обязательного условия для получения высших университетских степеней магистр или доктор.

Этимология слова «бакалавр» точно не установлена, поскольку на

латинском языке оно писалось по-разному: *baccalarius*, *bacularius*, *bacellarius*, *bachilarius*, *bacchalarius*, *baccalaureus*. Потому, одни производят бакалавра от *baculus* (палка), объясняя это словопроизводство от *школяра*, выдержавшего бакалаврское испытание, который вел на торжество своих приятелей и экзаменаторов, при этом нес факультетский «скипетр» (*baculus*, *virga*, *sceptrum*), или того, кто выдержал испытание и ему давался жезл, как символ *учительского авторитета*. Другие производят бакалавра от ветки лаврового дерева (*bacca laurea*), которой вознаграждался, выдержавший испытание [4].

Степень бакалавра давала определенные права и служила рекомендацией для многих должностей: им могло поручаться и *чтение лекций*, и *право диспутиаций*; бакалавры могли иметь готовое содержание в бурсах в качестве помощников магистров, или даже в качестве заведующих бурсами; наконец, они могли со своим бакалаврским титулом уходить из университета в гражданскую жизнь на гражданскую службу, на канцелярские и учительские должности [4]. Вместе с тем, не все, получившие степень бакалавра, желали оставаться в науке и преподавать. Большинство уходило из университета, занимая церковные и государственные должности [3]. Однако в таком случае на них возлагалось обязательство оставаться в университете один-два года. В среднем только четверть школяров получала степень бакалавра, из них только четверть, а иногда и даже 1/10 продолжали обучение для получения степени магистра (доктора) [4].

Таким образом, степень бакалавра являлась промежуточным этапом между учеником и ученым. С одной стороны бакалаврам разрешалось проводить лекции и диспутации, с другой, они не проходили ученой инаугурации, как магистры или доктора, а титул, означал не более чем помощник профессора в подготовке и к чтению лекций. Требования к подготовке бакалавров в основном заключались в изучении необходимых книг под руководством своего руководителя. Сроки подготовки зависели от факультета: от 8 лет - на артистическом, до 10 лет - на теологическом.

После бакалавра, второй степенью в университетах Западной Европы была лицензия (*licentia docendi*, с лат. *licentia* – свобода, дозволение, право; *docendi* – учение, преподавание, обучение), что буквально означало – право на преподавание, т.е. степень, дающая право на проведение ординарных лекций. Именно лицензия давала право полноценного осуществления профессиональной педагогической деятельности. Лицензия использовалась иногда, как самостоятельная ученая степень между бакалавром и магистром/доктором (Франция, Германия), здесь вместе с лицензией вручались и знаки

докторского достоинства: книга, перстень, берет, а иногда просто, как юридический документ, позволяющий бакалавру преподавать, но не подразумевала под собой какой-либо ученой степени (Италия, Великобритания).

Первым университетом, получившим право от папы Гонориуса III присвоения *licentia docendi* стал Парижский университет в 1213 г. [3]. Основное отличие *licentia docendi* от получения наивысших ученых степеней – доктора/магистра заключалось в *стоимости* за «корпоративный ритуал» и от того - возможности их получения. В связи с этим, многие оставались лиценциатами навсегда, или, по крайней мере, надолго, именно потому, что им были не под силу те издержки, с которыми сопряжены были докторские промоции. По мнению Суворова Н.С. [4] дороговизна «принятия в ученую корпорацию» как раз и способствовала возникновению промежуточной степени между бакалавром и магистром/доктором – *лиценциата*, того, кто выдерживал испытания и получал *licentia docendi*, но не в состоянии был оплатить определенную денежную сумму.

Наивысшими степенями в средневековых западноевропейских университетах были магистр и доктор, причем употреблялись они на одинаковых началах, с той лишь разницей, что магистр – это высшая ученая степень на артистическом факультете, а доктор – на всех остальных факультетах. Слово «магистр» (от лат. *magister* – *начальник, наставник, учитель, руководитель*) – как университетский титул, ученая степень, впервые появилось в указах Фридриха I Гогенштауфена (Барбароссы), свидетельствуя, что носитель достиг высокого уровня знаний и может передавать их другим. «Доктор» (от лат. *docere* – *учить, doceō* – «Я учу») означал то же, что и магистр.

Первое намерение обратиться к титулу *магистр* или *доктор* в показателе *ученой квалификации, засвидетельствованный членами корпорации*, было высказано в Париже в 1213 г., когда канцлер, представлявший в университете власть Парижского епископа, издал распоряжение о том, что *читать лекции по богословию и церковному праву в университете должен лишь тот, кто получил одобрение всей коллегии преподавателей (профессоров)* [1].

Условиями для получения наивысших степеней было наличие степени бакалавра (как доказательство прохождения необходимого обучения), степени лицензии (как доказательство прохождения испытаний, дающих право на преподавание) и наличие достаточно большого педагогического стажа. Кроме того обязательным условием для кандидата было наличие большого количества денежных средств. К примеру, *на факультете права* требовалось, чтобы желающий получить докторскую степень присягнул в том, что имеет

годовой доход не менее 80 парижских фунтов (около 500 франков; в свою очередь французский франк в XIV-XVII вв. являлся золотой монетой) [1, с. 123; 3]. Последнее, как раз и отличало процедуру возведения в докторство от всех остальных степеней.

Особое значение при возведении в степень магистр/доктор имел акт церемониала или инаугурация, что практически во всех университетах было идентичным. Акт церемониала был обставлен большой торжественностью и предусматривал вручение новому доктору докторской шляпы (*bonnet*), как символ учительского достоинства, книги в двух видах – открытой и закрытой, как символ занятий и размышления, целование нового доктора или магистра доктором-промотором, как выражение товарищеской солидарности, надевание перстня на руку, вероятно как символ обручения с наукой (промовируемым монахам перстень не надевался). Встречаются кроме того еще, передача кафедры, благословение, облачение в докторскую мантию, особенно на медицинском факультете [4].

Как правило, ученые степени магистра или доктора, выданные одним из университетов, признавались и в любом другом, с теми же правами, как и в своем учебном заведении. Этому способствовали единый язык преподавания (латынь), использование как основных текстов одних и тех же книг, схожие принципы и требования к организации получения ученых степеней и свобода передвижения по Европе.

Однако, право на повсеместное преподавание, осложнялось тем, что способных профессоров было недостаточно. И потому данное правило изначально использовалось только для магистров трех старейших университетов Салерно, Болоньи и Парижа. Их репутация была настолько велика, что выпускники и преподаватели приглашались преподавать во всех других университетах, но сами не принимали никаких внешних учителей без экзамена.

Таким образом, в первых университетах Западной Европы уже существовала определенная иерархия степеней, практически идентичная современной. Низшей степенью являлся бакалавр, обладатели которого нередко покидали университет. Второй по значимости степенью была лицензия, дающая право на преподавание ординарных лекций. И третьей, наивысшей степенью были магистр или доктор. Обладатели этих степеней являлись «членами привилегированной ученой корпорации». Потому, по сути, только магистр и доктор являлись учеными степенями.

References:

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
2. Маркова С.П. Процесс обучения в средневековых западноевропейских университетах. Электронный ресурс. – Режим доступа <http://s-history.adygnet.ru/public/dial7-4.pdf>
3. Морау П. Средневековой университет: карьера выпускников (реферат) // Alma Mater. – 1997. – № 6. – С. 36-40.
4. Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М.: Б. и., 1898. –VIII, 245 с.

**THE THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTIC
OF MECHANISMS OF RESPONSIBILITY OF EXECUTIVE POWER
IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

¹A. Chepus

1. Bachelor of jurisprudence science, the candidate of the doctorate, the docent of faculty of the Constitutional law of the Russian academy of the national economy and state service by the President of the Russian Federation, Russia.

Considering the responsibility mechanism in Russia and foreign countries as Europe and the USA, we will note the following features:

So executive power in the USA belongs to the head of state – the president, and the government as the joint body making decisions by a majority vote – doesn't exist, and works in the form of a subsidiary or advisory body at the president (the USA, Mexico). In this case the crucial role belongs to the U.S. President, the chairmen of the cabinet who are also before which responsibility is born by all without exception the designated highest officials who are a part of executive power. In case of presence of the vice-president (Argentina, Brazil, Nicaragua, Chile and others) he, as a rule, carries out a role of the administrative prime minister.

In the USA, Mexico, and in all Latin American countries the highest officials who are a part of executive power or an office bear responsibility for the activity, usually political, with possibility of application criminal or civil to ministers as to ordinary citizens. The political ministerial responsibility is realized before the president of the country, however in case of removal of a vote of no confidence (USA) before parliament or one of chambers of parliament, and in cases of pronouncement of the resolution of censure (Venezuela, Chile, Brazil, etc.) the minister has to retire independently, besides also the President can dismiss him. It is actually possible to talk about compulsory dismissal from the state position. It is possible to believe that the decision on dismissal from the state position made by parliament, or its chamber is a form of parliamentary ministerial responsibility and the officials entering into executive power. Possibility of ministerial responsibility in the form of impeachment along with the USA is established by constitutions of Venezuela, Bolivia, Mexico, Argentina.

Thus, in the countries with a presidential government the institute of parliamentary responsibility of government isn't fully realized. The legislature can't express in the government no confidence as often

government as the collective body is absent.

We will especially pay attention that the main objective of members of the cabinet in the USA and some countries with a presidential government - to give advice on those questions which are raised for them by the President. Though being collective establishment, the office isn't joint body unlike the Government in Russia. The office doesn't adopt any legal acts, and its decisions are made out by legal acts of the U.S. President. The role of the government in the USA actually is played some bodies and officials, each of which bears responsibility just before the U.S. President. Thus, due to the lack of institute of parliamentary responsibility of the cabinet in the USA expression is impossible for it mistrust from parliament. The cabinet in turn can't request parliamentary trust or mistrust to the policy pursued in the Senate or the Congress of the USA.

One of positive aspects of realization of responsibility of executive power before parliament is existence of the following duties, ministers bear political responsibility before parliament for execution or non-execution: 1. Presence at meetings of chambers of parliament (Brazil, Argentina, etc.); 2. Participation in debate (without the right of a casting vote); 3. Submission of the detailed report on a condition of the country on the relevant branches of management; 4. Submission of data and giving the oral and written explanations requested by parliament from executive power.

Perhaps, and the Russian legislation would win in case of realization in it norms on a duty of the prime minister at least once a month to participate in meetings of legislature for the purpose of informing chambers on the main aspects of the activity.

Thus, it is obvious that in the countries with a presidential government the institute of parliamentary responsibility of government isn't fully realized. The legislature can't express in the government no confidence as often government as the collective body is absent, and the separate branch of the power acts more as advisory body at the head of state, than separate branch of the power.

Comparing structure of an office to the USA and the Government of the Russian Federation, it is necessary to specify that in the USA the office has no accurate organization. There are some councils function at the U.S. President: on national security, on economic affairs, on natural resources, domestic and foreign trade and some other. The chairman of all councils is the President, but in each of them there is a vice-chairman or the appointed acting chairman who directs work of council and presides in its meetings in absence of the President. Development of the main directions of policy and consultation of the President [1, p. 128].

In Russia the scheme of formation of executive power looks differently: according to part 1 of article 110 of the Constitution of the Russian Federation executive power in the Russian Federation is carried out by the Government of the Russian Federation which consists of the chairman, vice-chairmen and federal ministers. However, distinctions between executive power in Russia and other countries doesn't consist only in it, there are also other distinctive features.

1. By us it is intended in work it isn't told about responsibility of government of Great Britain. This fact is caused by special situation and the characteristic of this country as parliamentary monarchy. Besides absence in Great Britain of the written constitution and regulation of work of the government as the Bill about the rights 1689, the Act of a succession to the throne of 1701 and a number of laws, and also judicial precedents, the constitutional customs and doctrines – works of authoritative lawyers leave the special mark on work and functioning of executive power in this country. In brief it should be noted that the government retires "in case of refusal to it in a kontrasignatura the House of Commons in trust (the question of confidence is raised for chamber the prime minister) or expressions of mistrust by it owing to promotion of the resolution of censure". As Avtonomov A.S. corrects the government was never succeeded to dismiss in such way though drafts of resolutions of censure more or less regularly move forward opposition, but don't collect the necessary majority [2, p. 95].

2. Members of the government in foreign countries bear usually political responsibility with possibility of application criminal or civil as to ordinary citizens. The political ministerial responsibility is realized before the president of the country. However in case of removal of a vote of no confidence (USA) before parliament or one of chambers of parliament, and in cases of pronouncement of the resolution of censure (Venezuela, Chile, Brazil, etc.) the minister has to retire independently. Besides also the President can dismiss him. Possibility of ministerial responsibility in the form of impeachment along with the USA is established by constitutions of Venezuela, Bolivia, Mexico, Argentina.

3. In many countries with a presidential government the institute of parliamentary responsibility of executive power isn't realized in any way and actually is absent. The parliament, as a rule has no opportunity to express disagreement or mistrust to the policy pursued by executive power though such policy is more formality, than real actions. It is possible to conduct and about other difficulties at realization of responsibility in the countries of USA and Latin America.

4. Positive aspect of realization of responsibility of executive power before parliament in Brazil, Argentina, Mexico, Venezuela, Chile and

other countries are the duties for which violation of the person are a part of executive power can bear political responsibility. The following conditions have to be for this purpose met: 1. Obligatory presence at meetings of chambers of parliament (Brazil Argentina, etc.); 2. Participation in debate (without the right of a casting vote); 3. Submission of the detailed report on a condition of the country on the relevant branches of management.

4. Submission of data and giving the oral and written explanations requested by parliament from executive power.

Perhaps, and the Russian legislation would win, in case of realization in it of norm on a duty of the prime minister or his deputies at least once a month to participate in meetings of legislature for the purpose of informing chambers on the main aspects of the activity.

5. Comparing the organization of work of the Government in the USA and Russia, it is necessary to tell that as that body of the Government in the USA, unlike Russia, doesn't exist. The chairman of the Russian Government is appointed by the State Duma of the Russian Federation. He proposes to the President candidacies for a position of federal ministers, and also defines the main activities of the Government and will organize its work. The Russian Government unlike an office in the USA resigns the authority before the newly elected Russian President. However the President in Russia can dismiss the Government at any time, change ministers or the Prime Minister that is in some way similar to powers of the U.S. President.

6. The developed model of parliamentary responsibility of government in Russia is something average between the existing European model of responsibility of government and the American model of responsibility of executive power. Thus, the Russian model of parliamentary responsibility originated from the American idea of executive power with the "strong" head of state and "weak" executive power. However in 20 years of existence of new Russian statehood many institutes, were anyway apprehended from the European countries and laid down components of the Russian model of parliamentary responsibility of government of the Russian Federation, taking into account realization of ideas of originality and historicism in development.

Characterizing modern legal system of Russia in aspect of formation of parliamentary responsibility of government of the Russian Federation, it is safely possible to claim that still actual task there is that now the responsibility of government of the Russian Federation has no signs constitutional and legal, and is more responsibility, positive or political within the constitutional look. Distinctive feature of the Russian form of government, its uniqueness, a rarity and a distinctive feature from world

practice, just also is the special political condition of responsibility of government of the Russian Federation.

Thus, according to the author, the model of parliamentary responsibility of government which developed in Russia represents symbiosis of the European and American models of responsibility of executive power. Feature of the Russian specifics consists in the strengthened responsibility of government of the Russian Federation before the Russian President expressed in functioning of executive power through a figure of the head of state, thus functions of parliament of the country are reduced to the control powers which aren't provided with real possibility of application of responsibility. However, current trends of development of parliamentary responsibility of government of the Russian Federation testify to change of a vector of model orientation and the growing acceptance tendencies for a basis of models of the European countries. Though, according to the author, this process has to happen, taking into account realization of ideas of originality and historical traditions in Russia.

References:

1. The government, the ministries and departments in foreign countries. M. Yurid. letters., 1994, p. 128.
2. Avtonomov of S. A. Government in foreign countries: Manual. Under the editorship of Kosyrin A.N., Glushko E.K. M. 2009, p. 95.

FINANCIAL LAW

ELECTRONIC COMMERCE AS THE NEW PHENOMENON IS IN A WORLD ECONOMY

¹D. Zaporozhtsev

*1. Student, Institute of law-enforcement activity,
Saratov legal academy, city of Saratov, Russia*

Presently electronic commerce is one of main instruments of globalization of world economy as a result a rapid informative exchange is necessary data, that assists economic development of the not separately taken country, and is the guarantor of world economic development.

Keywords: electronic commerce, mixed media content.

Электронная коммерция появилась в середине прошлого века и конечно же претерпевала изменения. В настоящее время электронная коммерция является одним из главных инструментов глобализации мировой экономики в результате чего происходит быстрый информационный обмен необходимыми данными, что способствует экономическому развитию не отдельно взятой страны, а является гарантом мирового экономического развития. Электронная коммерция оказывает непосредственное влияние и на общество и в результате этого становится его важным сегментом.

«Особенностью понятия «электронная коммерция» является его применение ко всей экономической деятельности, связанной с использованием информационных технологий. Попытки систематизировать и унифицировать категории и понятия электронной коммерции предпринимались многими авторами. Существует множество трактовок, в той или иной степени раскрывающих суть электронной коммерции.

Одним из первых авторов, рассмотревших теоретические аспекты данного явления, и давший характеристику электронной коммерции, является американский экономист Дэвид Козье. Он относится к числу исследователей, рассматривающих электронную коммерцию в

качестве электронной торговли. Основой электронной коммерции Козье считает структуру традиционной торговли, уточняя, что использование электронных сетей придает ей гибкость». [3, с. 53]

Интересно следующее, а электронная коммерция и электронная торговля являются синонимами или это самостоятельные явления?

«Например, Л.С. Климченя определяет электронную коммерцию как составную часть электронного бизнеса, а электронную торговлю характеризует, как частный случай электронной коммерции». [3]

Электронную коммерцию можно рассматривать как в широком так и в узком смысле. «В широком смысле электронная коммерция - это любая экономическая деятельность, включающая использование электронных информационных технологий.

В узком смысле, это коммерческая деятельность по купле/продаже товаров или услуг в сети Интернет с целью получения прибыли. С точки зрения употребления термина «электронная коммерция» в широком смысле, можно рассматривать ее идентичность термину «электронный бизнес», поскольку Большой экономический словарь трактует бизнес, как «любую экономическую деятельность, направленную на получение прибыли». [3, с.54]

Из чего состоит структура электронной коммерции? Выделим следующие компоненты:

«Мультимедиа-контент и инфраструктура публичной сети – компонент, который позволяет преобразовывать информационные потоки в понятный для восприятия контент и мультимедиа содержимое. Наиболее распространенной архитектурой является WWW (World Wide Web) – распределенная архитектура, предоставляющая доступ к связанным между собой документам, расположенным на различных компьютерах, подключенных к Интернету. Контент может формироваться на основе языка гипертекстовой разметки HTML и других технологий (таких как Java Script, XML и пр.).

Общая бизнес-инфраструктура включает в себя различные методы, обеспечивающие онлайн-покупки. Для обеспечения безопасности онлайн-покупки созданы различные методы шифрования информации, кроме этого, необходима обязательная аутентификация покупателя на платежном шлюзе, если оплата производится с помощью безналичных средств». [2, с.84]

Необходимо выявить какие есть плюсы и минусы в электронной коммерции.

К несомненным плюсам данной отрасли можно отнести следующее:

-быстрый доступ к информации о каком-либо продукте или услуге и возможность обмена полученной информацией с помощью сети Интернет из любой точки мира;

- существенное сокращение времени для совершения сделки;
- сниженные расходы на доставку товаров;
- высокая скорость финансовых расчетов;
- электронная коммерция неограниченна национальными границами государств.

Помимо вышеприведенных положительных моментов существуют некоторые недостатки и барьеры в развитии электронной коммерции.

В числе первых хочется отметить следующее:

- отсутствует четкое правовое регулирование в области электронной коммерции;
- нет четко регламентированного понятия «электронные деньги»;
- недостаточный уровень безопасности защищающий от посягательств мошенников;

Существуют и специфические барьеры, которые носят специфический характер, и относятся исключительно к данной отрасли.

«Одним из таких барьеров считается проблема обеспечения интероперабельности. «Интероперабельность – это способность двух или более систем или компонентов к обмену информацией и к использованию информации, полученной в результате обмена» (ISO/IEC 24765)». [2, с. 82]

Какие существуют технологии и их виды в электронной коммерции?

«Информационные технологии, применяемые в электронной коммерции, подразделяются на следующие виды:

1. Электронный обмен данными (обмен данными внутри компании и с другими участниками бизнеса). Задачей электронного документооборота является уход от бумажных носителей и перенос документов в электронный вид.

2. Электронная торговля (интернет магазины, торговые площадки, аукционы). Главные причины торговли через интернет - снижение торговых издержек, проведение торговых операций удаленно, т.е. без непосредственного присутствия заинтересованных сторон, более эффективное информирование бизнес-партнеров и проведение рекламных акций. Наиболее известными примерами электронной торговли являются системы ozon.ru, ebay.com, netzmarkt.de, amazon.ru, yahoo.com.

3. Электронный маркетинг (интернет-реклама, анализ спроса на продукцию, исследование рынка). К преимуществам данного вида электронной коммерции относится эффективное предоставление информации покупателям, продвижение бренда товара и получение точной информации о процессах купли-продажи и о рынке в целом.

4. Информационно-аналитические системы (системы моделирования, прогнозирования, сбора информации, управления информационными процессами, мониторинга и анализа). Применение данных систем направлено на анализ деятельности предприятия, поддержку бизнеса и автоматизацию наиболее сложных бизнес-процессов». [1]

Как мы видим, электронная торговля является одним из главных интеграционных и глобалистических процессов в развитии экономической сферы хозяйствования в мире и она дальше будет играть важную роль не только в мировой экономике, но и в жизни общества.

References

1. Горшенина Е.В., Сорокин П.А. Интернет-технологии в электронной коммерции // Экономические исследования. 2010. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-v-elektronnoy-kommertsii> (дата обращения: 06.12.2014).
2. Разинкин Е.И. Концепция обеспечения интероперабельности в области электронной коммерции // Информационно-управляющие системы. 2012. №5 (60). С. 82-88.
3. Кубкина Ю.С. Электронная коммерция: Роль, понятие, направление развития // Пространство экономики. 2012. № 2-2. С. 53-55.

**STATE REGULATION OF INNOVATION
DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS**

**THEORETICAL AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS
ON IMPROVING SUPPORT FROM THE GOVERNMENT TO
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES
IN A SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY OF UKRAINE**

¹O. Azurova

²V. Vygovska

³V. Marhasova

1. Applicant, National Technological University of Chernigov, Ukraine

*2. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
National Technological University of Chernigov, Ukraine*

*3. Candidate of Economic Sciences, Professor,
National Technological University of Chernigov, Ukraine*

The article offers a study of factors impeding innovative development of small businesses, determines role of the state in support provided to small business entities in their innovative activity and offers scientific and practical recommendations on improving support from the government to innovative development of small businesses in Ukraine.

Keywords: small business, innovations, innovative development, support from the government to innovative development.

Description of the problem. Depths of the crisis in Ukrainian economy is mainly caused by the country's significant lagging behind in technology. Bridging the gap in the national economy's technological structure is possible by introducing innovative technologies into production and management. Small businesses may play an important role in fulfilling this task, as they cause an important impact on restructuring country's economy, make significant contribution into total volumes of production, retail turnover, promote economy and sustainable use of all resources, create favorable environment for competition and for elimination of monopolism in entrepreneurial activity. Considering current state of the small business sector and

predicted trends in its development, the need for intensive support to this sector of economy becomes more evident, requiring development of scientific and practical recommendations on improving management control mechanism in this sector.

Survey of recent researches and publications. Important scientific statements related to small business entities operation can be found in academic works by Ukrainian scientists, in particular: Z.Varnaliya, L.Vorotina, T.Govorushko, I.Kolodizhna, I.Komarnyts'ka, M.Pashuta, S.Palytsia, and others.

Substantial contribution into determining role and importance of small business entities for innovative development of economy was made by the works of N.Bloom, S.Bond, D.Rinen, P.F.Drucker, M.Kirasel, M.Stone, S.Jobs, E.M.Rojers, K.Davis, J.U.Newstrom, and other researchers.

The most of the works, however, give general theoretical analysis and are focused on solving certain aspects of the problem. So, the aspects of improving support from the government to development of innovative small business still remain to be considered.

The goal of the article. The goal of the article is to determine directions of improving support from the government to development of innovative small business entities in Ukraine.

Main results of the research. Innovations are the main driving force of competitiveness and dynamic development of public production, therefore innovative activity is one of the priorities for providing high competitive level of Ukrainian products and enterprises.

In Ukraine, innovation is understood as use of any new or significantly upgraded product (commodity, service), process, new marketing method, or new organizational method in an enterprise's operation, arranging work sites, and launching external relations.

In our opinion, innovations should necessarily be creative, assure competitive advantages to small business entities and their successful operation on the market in the long term, be implemented in a form of commodities and services, increase value of the finished product up to its maximum for consumers, enterprise and society as a whole.

A small business is innovative in its nature and can become a key factor in transformation of the national economy. Peculiarity of small business entities has direct impact on their innovative activity that, from one hand, is proved by its high organizational adjustability to innovations, from the other hand, - by its high degree of vulnerability and exposure to external factors. Therefore, significant need for support from the government to innovative initiative becomes increasingly obvious.

The study of several scientific sources allows us to draw conclusion

that development of innovative small business in Ukraine is restricted due to a set of institutional and resources related problems (Fig. 1).

Figure 1
Main problems of innovative development of small businesses

Type of the problem	Content
Financial	Scarcity of financial resources, limited access to attracting funds on the financial market, complicated access to credit resources and their high cost, limited financial support from the government; lack of material and technical basis, difficulties with premises rent and equipment lease
Organizational and legal	Underdevelopment of the market of technologies; insufficient development of innovative infrastructure elements; insufficiency of normative and legal provision in the field of innovative activity, intellectual property and patent protection; lack of conditions to launch relation of cooperation with other entities of innovative process; lack of efficient tax incentives for implementation of innovations into production
Informational	Lack of access to classified information on advanced technologies having potential for commercialization and on level of technological demand and competition on the market of innovative products
Functional	Low innovative potential of a small business entity, lack of development of consulting and engineering infrastructure
Market related	High cost of innovations and long terms of its recoupment; high economic risk of innovative activities; low paying capacity of the demand for national innovative products
Social and labor force related	Lack of scientific workers in the field of nanotechnologies, highly qualified technical and managerial staff; low level of training and additional training of the staff for various fields for the small

Made by the author based on [2, 6]

Review of the national and foreign experience in stimulation of innovative development of small businesses shows that by resolving only one group of problems or of certain problems from different groups would not allow to make any progress.

On the fig.2, we have presented scientific and practical recommendations on stimulation of innovative development of small

businesses by groups of issues described above.

Proposed measures should be implemented based on systemic concept to launch complex interaction of elements of the state regulatory system and support to small businesses.

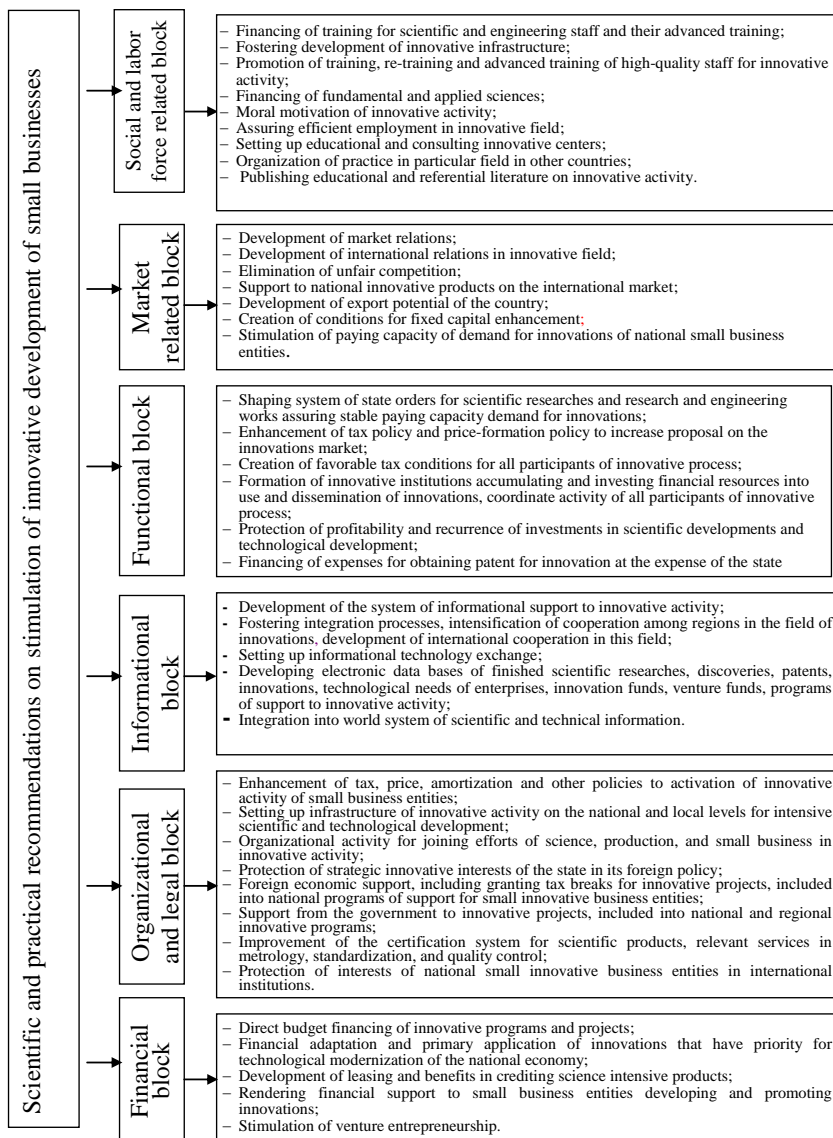


Fig. 2. Scientific and practical recommendations on stimulation of innovative development of small business entities
 Made by the author based on [1-8]

Efficient state regulation of innovative development of small businesses shall create basis for its quantitative and qualitative growth, and introduction of innovations shall be not only nominal but real. State institutions and bodies of local self-governing authority have to create respective conditions that would encourage small business entities to set up in the selected field and adhere to their interests. It is only in this case that implementation of the national strategy of innovative development of small businesses in Ukraine, increase, accumulation and efficient use of resources to reach the goals set are possible.

Conclusion. The small business play important role in the national innovative process. The most important consequences of the efficient innovative development of the small business are: acceleration of innovative process in economy in general, economic risks reduction, cost reduction for certain operations, competition activation in the innovative sector. Implementation of the measures in the light of scientific and practical recommendations on support for innovative development of small businesses from the government, in our opinion, will allow to shape favorable business environment and conditions for activation of the small innovative businesses in various branches of the national economy, promote their efficient operation, providing social and political stability, implementation of principles of open innovations for the purpose of growth of the country's economy and its competitiveness on the world market.

References

1. Варналій В. Жук. Проблеми підтримки інноваційної діяльності суб'єктів малого підприємництва [Електронний ресурс] / В. Жук. Варналій. – Доступний з: <http://www.niss.gov.ua/Monitor/Monitor43/>.
2. Виговська В.В., Маргасова В.Г., Роговий А.В. Фінанси малих підприємств. Навчальний посібник/ Під загальною редакцією Маргасової В.Г. –К.: Видавничий Дім «Слово», 2011-264с.
3. Інноваційно-комплексні шляхи розвитку малого підприємництва: монографія / Б.М. Андрушків, Ю.Я. Вовк, І.Ю. Крамар та інші. – Тернопіль: ТНТУ ім. І. Пулюя, 2011. – 340 с.
4. Малий бізнес та підприємництво в ринкових умовах господарювання: Навчальний посібник. / Воротіна Л.І. та ін К.: Вид-во Європ. у-ту, 2004.- 306с.
5. Озаринська В.В. Основи формування системи підтримки малого бізнесу в Україні / В.В. Озаринська // [електронний ресурс] Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/>

6. Шайдюк І. Є. Проблеми та перспективи розвитку інноваційної діяльності малих підприємств в країні / Шайдюк І. Є., Черкасова Ю. І. // Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. – 2012. – № 1 (3). – Том 2. – С. 357-362.

7. Lesakova L. Innovations in Small and Medium Enterprises in Slovakia / Ľubica Lesakova // Acta Polytechnica Hungarica. – 2009. – Vol. 6, No. 3. – P. 23-34.

8. P. Drucker, Innovation and Entrepreneurship, Butterworth-Heinemann, Oxford, 2001. Taxation trends in the European Union – Data for the EU Member States and Norway / European Commission. – 2009. – 384 pp. – Режим доступу: http://ec.europa.eu/taxation_customs/resources/documents/taxation/gen_info/economic_analysis/tax_structures/2009/2009_full_text_en.pdf

ADMINISTRATIVE LAW

FORMATION AND EVOLUTION OF CONCEPTS OF DISCRETIONARY POWER AND DISCRETION IN DOMESTIC AND FOREIGN LEGAL AND ADMINISTRATIVE SCIENCE

¹A. Girvits

*1. Adjunct of the Department of Administrative Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Russia*

Currently, the discretion is widely used in the legal sphere concept. At the same time in different situations involving the use of discretion, it is treated uniquely. The article discusses the formation of the concept of appreciation in domestic and foreign legal and administrative science.

Keywords: discretion, discretion, administrative discretion, discretionary power, discretionary powers.

Исследование сущности усмотрения рационально проводить, опираясь на современные научные достижения в области дискреционной власти и дискреционных полномочий.

Связано это с тем, что термин «усмотрение» применительно к деятельности органов государственной власти используется преимущественно в трудах отечественных авторов [1]. Если обратиться к зарубежным источникам, то можно обнаружить, что анализ проблем, связанных с применением усмотрения органами государственной власти, осуществляется с помощью терминов «дискреционная власть» и «дискреционные полномочия». Латинский термин «discretion» означает решение какого-либо вопроса по личному усмотрению должностного лица.

Научные исследования дискреционной власти как института государственного управления насчитывают многолетнюю историю. В различные периоды времени учеными в области гуманитарных наук, в том числе правоведами, рассматривались разные аспекты усмотре-

ния (дискреционной власти) и его роль в механизме государственного управления.

В Европейских государствах существовали различные взгляды на природу дискреционной власти и ее роль в государстве. Согласно одним – дискреционные полномочия государственных органов рассматривались как нарушение верховенства права, согласно другим – указанные полномочия необходимы в силу природы государственного управления.

Так, например, британский юрист, специалист по конституционному праву, профессор А. В. Дайси в своем труде «Введение в изучение английской Конституции» (A.V. Dicey, *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*) (1885) [2] отмечал, что «власть, основанная на свободе усмотрения, будет приводить к произволу».

Лорд Томас Бингхэм, первый в истории Великобритании судья, которому удалось занять три наиболее важных поста в судебной системе, включая должность Лорда – Главного судьи (глава судебной системы Англии и Уэльса) в отличие от Дайси признает, что в нашем сложном обществе «необходима определенная свобода усмотрения со стороны государственных должностных лиц, но при этом такое усмотрение не должно быть бесконтрольным и нельзя позволять принимать произвольные или неразумные решения» [3].

В трудах ученых в области философии раскрываются сущность усмотрения сквозь призму диалектики свободы и несвободы, влияния субъективных начал на решения, принимаемые людьми, наделенными властью. Так, например, Монтескье отмечал, что «известно ... по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела [4].

Политологами проводился анализ взаимосвязи усмотрения с политическими интересами субъектов, его применяющих, исследуется дискреционная власть как политический феномен, ее влияние на функционирование государства и жизнедеятельность общества [5].

Наиболее же весомый вклад в формирование современных представлений об усмотрении в деятельности органов государственной власти внесли ученые в области права, особенно в области права административного.

Среди зарубежных научных источников наиболее ярко выделяются труды французских ученых в области административного права.

Благодаря концентрации усилий ученых на изучении вопросов государственного управления и административного права во Франции удалось достичь существенных результатов, в том числе в области применения публичными службами и служащими усмотрения.

В науке административного права Франции дискреционная власть изучалась в ее соотношении с принципом верховенства закона. В частности, указанная власть рассматривается как область государственной деятельности, которая выходит в какой-то степени за рамки права, эта часть управленческой деятельности частично освобождается от тотального контроля законности.

Один из известных французских адвокатов и ученых-административистов Леон Мишу, в числе работ которого есть монография, посвященная дискреционной власти, отмечал: «по своему усмотрению каждый раз администрация действует свободно, при этом такие действия подчиняются общему требованию верховенства права» [6].

В своей работе Мишу раскрывает сущность понятия усмотрения, позитивные стороны концепции усмотрения, а также критерии оценки эффективности применения усмотрения в деятельности администрации.

В числе наиболее убедительных аргументов в пользу дискреционной власти со стороны французских административистов указывается необходимость предоставления определенной свободы администрации, которая в силу своих функций обязана оперативно решать многие вопросы повседневной жизнедеятельности населения. Действия администрации по решению указанных вопросов априори невозможно и нецелесообразно детально регламентировать законом.

Для объективной оценки зарубежных теорий усмотрения в деятельности исполнительной власти, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на работы ученых не только Франции, но и других стран-членов ЕС.

Теория свободного усмотрения получила развитие в трудах ученых из ФРГ. «Свободное усмотрение, – пишет западногерманский юрист Краутхаузен, – означает административно-правовые действия, совершенные в порядке личной ответственности и в соответствии с пониманием нормы права управомоченным лицом для выполнения поставленной законом цели» [7], т. е. под свободным усмотрением подразумевается предоставление органам государства и его должностным лицам свободы действий в границах, определенных законом. Таким же образом определяли «право» свободного усмотрения немецкие административисты, такие, например, как Беттерман, Феликс, Форстхофф [8].

Современные специалисты из Академии им. Фольке Бернадота (Швеция) и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в своей работе «Руководство по мониторингу административ-

ного правосудия» раскрывают особенности административного усмотрения [9].

Термин «административное усмотрение» обозначает законное наличие у административного органа дискреционных полномочий, ограниченных четкими правовыми рамками и требующих применения ряда принципов конституционного и административного права.

Для сопоставления достижений зарубежной науки с отечественной целесообразно обратиться к рассмотрению становления и развития научных взглядов на природу и сущность административного усмотрения в нашем государстве.

По мнению, Бойко, историю проблемы соотношения законности и усмотрения следует ограничить отечественным опытом начиная со второй половины XIX века. При этом ученый добавляет, что выбор данного периода не говорит о том, что именно в это время появилось усмотрение как социально-правовой институт. Обоснование выбора заключается в том, что начиная именно с этого периода в отечественной правовой литературе появляются определенные теоретические выкладки, касающиеся указанных вопросов, не потерявшие своего значения до настоящего времени [9].

Наибольший интерес к проблемам усмотрения в нашей стране проявили представители юридической науки, исследовавшие уголовное право и уголовный процесс. Особое внимание при этом уделялось судебскому усмотрению [10].

Наряду с этим, представления о дискреционной власти развивались в трудах ученых в области административного права. Такие ученые, как А.И. Елистратов [11], Н.И. Лазаревский [12], А.Ф. Евтихийев [13], высказывали точку зрения, согласно которой усмотрение ассоциировалось с чиновничьим и полицейским произволом. В то время проблема соотношения законности и усмотрения приобретала политический смысл в связи с требованием формирования конституционного демократического государства.

Проводя анализ отечественных разработок в области усмотрения, необходимо отметить влияние политической и правовой систем в России на развитие представлений об усмотрении. Ввиду большой «политизированности» проблем, касающихся применения государственными органами усмотрения, среди отечественных ученых существовало настороженное отношение к усмотрению как к объекту изучения [14].

Причем указанный вывод касается как работ дореволюционных юристов, так и ученых-правоведов советского периода.

Следует отметить, что среди отечественных исследований советского периода работы, посвященные дискреционной власти и административному усмотрению, достаточно немногочисленны [15].

По мнению В.В. Лазарева, «усмотрение правоприменительных органов имеет место при отсутствии пробела в праве». При этом ученый акцентирует внимание на влияние субъективного фактора на процесс применения усмотрения: «усмотрение предполагает решение дела, исходя из оснований, коренящихся в самом субъекте применения права... оно опирается на внутренние источники (а не внешние – типа нормативного акта) формирования воли относительно окончательного решения вопроса» [16].

Так, например, М.С. Студеникина, касаясь проблемы усмотрения более широко, отмечает, что вообще нельзя однозначно ответить на вопрос о том, есть ли усмотрение явление сугубо отрицательное или сугубо положительное и какова должна быть его судьба в будущем [17].

Среди исследований следует отметить работы таких авторов, как В.Г. Антропов, А.А. Березин, Д.В. Бойко, Ю.П. Соловей, Ю.В. Старых, Т.Г. Слюсарева. В работах указанных ученых поднимаются актуальные проблемы применения усмотрения в деятельности судебных органов и органов исполнительной власти.

В отечественных и зарубежных научных исследованиях дискреционная власть рассматривается как правовой институт, присущий государственно-правовой системе, существование которого обусловлено характером задач, которые решают органы исполнительной власти, и ограниченными возможностями законодательства по закреплению полномочий государственных органов.

References

- 1.Исключением являются лишь работы, вышедшие в свет за последние несколько лет. См., например, Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис.... доктора юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010; Терехов Е.В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2009.
- 2.10-е издание 1959 года с введением - E.C.S.Wade, London, MacMillan, chap.4.
- 3.Tom Bingham, The Rule of Law (2010).
- 4.Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 289.

- 5.См.: Кузнецов И.И. Дискреционные полномочия главы государства и баланс ветвей власти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 1; Валиев Р.Г. Дискреционная власть как ресурс правовой деятельности (к постановке вопроса) // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2 (12).
- 6.Leon Michoud. Étude sur le pouvoir discrétionnaire de l'administration. Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1913. 118.
- 7.Krauthausen R. Ermessen und unbestimmter Rechtsbegriff. 1955. S. 10.
- 8.См., например: Forsthoff E. Lehrbuch des Verwaltungsrechts. Allgemeiner Teil. Munchen und Berlin, 1961. S. 74.
- 9.Руководство по мониторингу административного правосудия. Академия им. Фольке Бернадота и Бюро по демократическим институтам и правам человека. Варшава, 2013. С. 22 // http://folkebernadotteacademy.se/PageFiles/18147/Handbook%20on%20Administrative%20Justice_RUS.pdf.
- 10.См.: Бойко Указ. соч. С. 15 – 16.
- 11.См.: Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб. 1904; Покровский И.А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека // Вестник права. 1899. № 10. С. 84.
- 12.Елистратов А.И. Административное право. М., 1911.
- 13.Лазаревский Н.И. Административное усмотрение // Право. 1900. № 42; Лазаревский Н.И. Законность и пределы ее осуществимости // Право. 1905. № 2.
- 14.Евтихийев А.Ф. Усмотрение администрации // Журнал Министерства юстиции. 1910. Май. С. 79 – 81.
- 15.Старых Ю.В. Усмотрение в налоговом правоприменении / Под ред. М.В. Карасевой. М., 2007. С. 17.
- 16.Исключением является, пожалуй, работа В.Н. Дубовицкого, в которой ученый определяет административное усмотрение следующим образом: «при административном усмотрении органу или должностному лицу, осуществляющему исполнительно-распорядительную (управленческую) деятельность, предоставляется выбор (возможность, степень свободы) по отысканию и принятию наиболее полезного, целесообразного, по их мнению, решения, совершению или не совершению того или иного действия» (Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1981.). Отдельная глава диссертации В.Н. Дубовицкого посвящена сравнению административного усмотрения и управленческого риска.
- 17.Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 144.
- 18.Правоприменение в Советском государстве / Под ред. И.Н. Кузнецова, И.С. Самощенко. М., 1985. С. 47.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PUBLIC SERVICE UNDER FRENCH LAW

¹V. Maximov

*1. PhD in Law, university lecturer at St. Petersburg University,
Russian Ministry of Internal Affairs.*

The article in a concise and accessible manner presents an main directions of development of public services in France with the peculiarities of each of them.

Keywords: theory of public service in France, development of public service, meaning and role of the state, interests of society.

Глобализация, строительство единой Европы, социальные преобразования, утверждение гражданского общества обязывают сегодня к переосмыслению организации деятельности органов публичных власти. Значение и роль государства в сложившихся экономических отношениях существенно пересматривается. Возникают вопросы относительно условий, способных обеспечить какой-то новый, улучшенный вариант управления обществом и заботы о нем. Концепция публичных служб, используемая в законодательстве Франции, не может оставаться незатронутой при таких обстоятельствах. И в этом отношении можно выделить два основных течения.

Первым является либерализм, который сегодня постепенно становится преобладающим в экономической политике многих стран и международных институтов. Он затрагивает французскую систему публичных служб двояким образом.

Во-первых, в ходе выполнения положений Римского договора 1957 года, который стал документом, заложившим основу для Европейского экономического сообщества, и последующих соглашений (например, о едином рынке) пришлось допустить конкуренцию в секторах экономики, где изначально доминировали публичные службы (службы общезкономической значимости по смыслу статьи 86 Римского договора). Эта тенденция сейчас активно развивается, в частности в энергетическом секторе (газ и электроэнергия) и в сфере коммуникаций (телекоммуникации и почта). Менее активно она проявляется на железнодорожном транспорте. В начале Франция сопротивлялась, но затем была вынуждена вписаться в этот процесс, положив конец, например, монополии, которой располагали в своих областях "Франс Телеком" и "Электриситэ де Франс". Но одновременно она постаралась добиться признания правомерности присутствия

публичной службы в этих секторах, что было сделано, с одной стороны, путем включения соответствующих формулировок в общеевропейские документы, а с другой стороны, посредством четких определений, внесенных в тексты французских законов (закон "о телекоммуникациях" от 26 июля 1996 года и закон "об электроэнергии" от 10 февраля 2000 года). При этом Франция отказалась приватизировать "исторических операторов", действующих в этих секторах. Будущее покажет, идет ли речь об арьергардных боях перед окончательным переходом этих секторов на рельсы "всеобъемлющей рыночной экономики" или же будут найдены устойчивые элементы нового равновесия между "конкуренцией" и "публичной службой".

Другой аспект этого либерального наступления более коварен. Он вытекает из тех требований, которые рекомендуются или уже предъявляются к управлению государственными финансами: ограничение общего объема государственных расходов и обязательных отчислений; сокращение бюджетных дефицитов. Эти подходы не ставят под вопрос сам принцип публичной службы, но ограничивают ее возможности. Введение подобных ограничений может оказаться продуктивным, если они будут применяться в разумных пределах и способствовать обеспечению большей эффективности. Все сложится иначе, если в результате их принятия будет пересмотрено место публичных служб в модели развития страны. Но пока этого не случилось.

Второе направление изменений более гармонично вписывается во в традиционную французскую концепцию публичных служб. Его можно было бы обозначить как направление "гражданской ответственности". В нем выражено требование о большей ответственности субъектов публичных служб. В данном случае вмешательство государственной власти не подвергается сомнению, но высказывается пожелание придать больше гибкости существующей модели, которая в ряде случаев считается слишком централизованной и авторитарной. Ключевыми положениями этого направления развития являются прозрачность, диалог, децентрализация и преодоление разобщенности.

Прозрачность и диалог - публичная служба должна функционировать таким образом, чтобы граждане знали, что в ней происходит, и чтобы с ними консультировались о методах и содержании деятельности этой службы. Первое требование уже прочно вошло в практику французского позитивного права благодаря законам 1978 года "о доступе к административным документам" и 1979 года относительно обоснования административных решений. Второе требование содействует развитию процедур консультации, в частности с ассоциациями потребителей и пользователей, и распространению на публичные службы практики контрактных отношений между сторонами-участниками.

Децентрализация. Франция традиционно тяготеет к централизации. Однако она не могла оставаться в стороне от современной тенденции, которая в Европе нашла свое выражение в так называемом принципе взаимодополняемости. Этот принцип предполагает передачу на более высокий уровень компетенции только тех задач, которые не могут быть решены должным образом местными силами. По законам о децентрализации, принятым в начале 80-х годов, в ведение территориальных коллективов (регионов, департаментов и коммун) перешли вопросы, ранее входившие в компетенцию центральных государственных органов. Следует ожидать дальнейшего развития в этом направлении. Одновременно государство само стремится приблизиться к нижестоящим структурам, развивая процесс деконцентрации: так, с 1997 года действует принцип, согласно которому префекты вправе принимать от имени государства решения по любым вопросам индивидуального характера.

И наконец, преодоление разобщенности - классическая организация публичной службы во Франции основывается на разделении нескольких крупных общественных функций (образование, правосудие, здравоохранение и т. д.), каждая из которых передается специализированным операторам. При такой организации игнорируется тот факт, что каждая человеческая личность едина и неделима, а целый ряд коллективных проблем находятся на стыке различных функций. Это касается, например, борьбы с социальным отчуждением или с осуществлением политики так называемой гуманизации городов. Современная тенденция состоит, таким образом, в том, чтобы всячески содействовать сближению всех действующих в этих областях операторов для совершенствования координации их действий. Например, заключение "местных контрактов по вопросам безопасности", объединяющих усилия служб полиции, правосудия и образования с усилиями представителей государства и коммун, вписывается в эту перспективу.

Все вышесказанное свидетельствует о бесспорной жизнеспособности теории публичной службы и о наличии множества оснований к тому, чтобы Франция оставалась тверда в своей приверженности этому институту. Франция не является единственным творцом этого института. Однако она, возможно, более систематически, чем другие, развивала его.

Французская концепция публичной службы сильна своим прошлым, но будущее ее зависит от того, насколько ей удастся, с одной стороны, обогащаться и впредь опытом других стран, а с другой стороны, прочно утвердиться в качестве реального участника европейского строительства.

INTERNATIONAL LAW

REGULATORY AND ENFORCEMENT PRACTICE OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF RUSSIAN CULTURAL VALUES AS A SPECIAL OBJECT OF STUDY OF THE LEGAL KNOWLEDGE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

¹A. Afanasyeva

1. Student, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

At the present article defines the basic terms of the problems and challenges, that arise in the modern historical-legal science in the study of the legal regulation of Russia's participation in international cultural cooperation

Keywords: International linkages in the field of culture, cultural values, artworks, problems museum law, cooperation in the field of archives.

Отечественная юриспруденция давно и всесторонне исследует международные взаимосвязи в сфере культуры. В качестве важнейших публикаций последнего времени на русском языке следует назвать фундаментальные исследования М.М.Богуславского, посвященные правовым аспектам проблемы [1, с.54]. Монография 2005 года «Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты» является важнейшей вехой на пути развития научных знаний в данной области.

Необходимо отметить работы С.Н.Молчанова, который изучает международные аспекты сотрудничества в сфере культуры и много делает для распространения юридических знаний по данной теме [2, с.110].

Специальные проблемы уголовного права (в изучаемой сфере) исследуются В.В. Кулыгиным, рядом юристов [3]. Особую значимость имеют труды цивилистов, которые реконструируют имущественные права на объекты культурного наследия. Выходят в свет специальные исследования, посвященные различным аспектам темы, зарубежному опыту.

Следует привлечь внимание исследователям специалистам по международным отношениям, культурологов. Междисциплинарные аспекты анализируются в общих работах по европейской культурной политике, в специальных исследованиях о деятельности Европейского Союза в сфере культуры.

Кроме упомянутых выше исследований, подготовлены и специальные работы по рассматриваемым аспектам истории права и государства. История права – применительно к рассматриваемой теме – призвана выявить закономерности формирования конституционного права человека на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

В современных условиях информационного общества актуальной проблемой историко-правового знания является изучение становления права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, прямо закрепленного Конституцией России. Особенно значимо в этом смысле изучение норм о международном сотрудничестве библиотек и архивов.

Дискуссионным остается вопрос о правовом статусе перемещенных произведений искусства. Именно поэтому важно исследовать нормативное регулирование имущественных отношений на памятники культуры в СССР. Подробный анализ проблемы приводится в монографии М.М. Богуславского [1, с.60]. Необходимо продолжать историко-правовой анализ норм об этих объектах. При этом особое внимание следует уделять актам до 1997 года, когда был принят соответствующий федеральный закон.

Еще одним историческим вопросом, который и теперь имеет практическую направленность, является вопрос о национализации частных коллекций и отдельных произведений искусства в послереволюционный период. Четкое и ясное обоснование прав Российской Федерации на национализированное имущество – вопрос злободневный. В начале января 2008 года в Великобритании вступил в силу закон о защите от возможных исков российских культурных памятников. Закон связан с проведением в Лондоне выставки «Из России: французские и русские шедевры из Москвы и Санкт-Петербурга, 1870–1925». В прессе высказывались опасения, что экспонаты могут быть арестованы по требованию лиц, считающих, что Российская Федерация имеет неисполненные финансовые обязательства перед ними, или изъяты по требованию наследников собственников шедевров, национализированных в нашей стране после 1917 г.

Злободневным являются и специальные проблемы музейного права [4]. Наиболее дискуссионными проблемами музеев, имеющими международную значимость, являются:

1) формально законные приобретения западных музеев XVIII – XX вв., воспринимаемые рядом специалистов и общественных групп (в том числе и зарубежными организациями) как нелегитимные. Продолжаются дискуссии о реституции музейных ценностей, собранных в Европе в колониальный период;

2) «музеи империй». Вопрос касается предметов и коллекций, полученных ранее из регионов, получивших впоследствии независимость от страны местонахождения музея;

3) проблемы произведений искусства, перемещенных вследствие Второй мировой войны. Данные проблемы непосредственно влияют на двусторонние отношения между государствами и, в свою очередь, зависят от принципов внешнеполитического курса страны.

Совершенно очевидно, что без исследования истории права невозможно оценить юридическую обоснованность претензий, которые обосновываются событиями столетней, полувекковой давности. При этом очень важно провести комплексный историко-правовой анализ как формирования современного музейного права, так и современных международных коллизий, связанных с отдельными артефактами, коллекциями.

Среди наиболее актуальных проблем правового регулирования международной деятельности в сфере архивов, которые требуют анализа исторических аспектов:

1) совершенствование правового обеспечения международного сотрудничества в сфере архивного дела (в рамках Международного совета архивов и других структур);

2) продолжение разработки унифицированных норм хранения и использования архивных фондов для их максимально эффективного введения в научный оборот;

3) возвращение в Россию документов, представляющих особый интерес для нашей страны;

4) обеспечение возвращения в страну архивов незаконно из нее вывезенных.

Изучение истории государственной политики и правового регулирования участия России в международном взаимодействии в сфере библиотечного дела важно для характеристики, как было уже сказано, права человека на информацию, формирования правового пространства сотрудничества библиотек различных стран.

Важной проблемой является и справедливый оборот культурных ценностей при защите законных прав собственников и общественных интересов.

Государственное регулирование частных и публичных интересов в сфере культуры имеет непосредственное международное звучание.

Российским ученым необходимо продолжить изучение зарубежного и международного опыта регулирования имущественных прав на объекты культурного наследия, юридических механизмов по созданию, развитию, охране и использованию культурных ценностей. И именно поэтому важно изучить формирование правового регулирования участия России в международном сотрудничестве в сфере культурных ценностей.

Характерно, что даже в специализированных работах по конкретным злободневным проблемам российского права предлагаются вопросы, связанные с историей государственного регулирования международного культурного сотрудничества.

Самостоятельной темой является реконструкция роли России в международной борьбе с преступлениями в сфере культурного наследия. Подробный обзор зарубежного уголовного законодательства приводится, в частности в монографии В.В. Кулыгина. М.М. Богуславский реконструирует систему международного уголовного преследования преступников, совершающих преступления, связанные с объектами культурного наследия. Эта актуальная тема, и ее следует изучать с учетом исторической ретроспективы, ведь эта система складывалась на протяжении всего XX века.

References

1. Богуславский М.М. Судьба культурных ценностей. М.: Юристъ, 2006; Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. См.: Богуславский М.М. Международные соглашения и законодательства иностранных государств по охране памятников // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Сб. научных трудов. М., 1992. С.54-73.
2. Молчанов С. Н. Международно-правовое сотрудничество в области культуры // Московский журнал международного права. 2002. № 4. С. 110–123.
3. Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: монография (параграф «Охрана культурных ценностей в зарубежном уголовном праве» главы 2). М.: Юристъ, 2006;
4. Рыбак К. Е. Музейное право: международно-правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005.

FOREIGN ECONOMIC TRANSACTIONS OF PUBLIC LAW ENTITIES IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S CIVIL LAW REFORMS

¹Z. Bugaev

*1. Postgraduate student of the Civil Law Department
at the St. Petersburg State University of Economics, Russia*

Abstract: the article provides an assessment of a number of changes to the civil legislation of the Russian Federation, defines the role of changes in the legal regulation of foreign trade transactions involving public law entities. A number of legal issues negatively affecting the investment climate in Russia is investigated. Recommendations on some issues on concluding foreign trade transactions and circumstances of proof in trial are provided. Conclusions on improving the investment climate in Russia as a whole and simplifying the access of foreign clients to the Russian market are made.

Keywords: foreign economic transaction, public legal education, law reform in Russia, enforcement of foreign judgments.

The legislation of the Russian Federation in the last period is characterized by the liberalization aimed at mitigating the investment climate in the country, attracting foreign capital, improving the status of market participants, concluding foreign economic transactions. This approach of the legislator helps to avoid the mandatory requirement to use written form for making foreign trade transactions (if one of the parties is a Russian legal entity), and mitigate the requirements of digital signature created to satisfy foreign law. Thus, the development trend of Russian legislation is reduced to simplifying the entry of foreign players to the Russian market.

However, not all the changes of Russian civil legislation were consistent, unambiguous and sufficient in the frames of changes, which resulted in gaps and conflicts of law, which also had an effect on the participants of foreign trade.

The last amendments of the civil legislation abound in new terms: the notion "burden of proof" is withdrawn from the Article 1191 of the Russian Federation Civil Code (hereinafter - the Code), the concept "mandatory rules" is replaced by "direct application of rules" and etc. in the Article 1192 of the Code, as well as there are some amendments to improve legislative technique. There are some changes aimed at unification of conflict rules of Russian legislation with the generally

accepted norms of the Roman-Germanic legal family.

There are important changes to Code Article 1193 providing reservation about public order policy. In the version, which operated until 23.07.2013 the first paragraph provided that "the provisions of the foreign law to be applied in accordance with the rules of this section, in exceptional cases is not applied when the consequences of its application would be clearly contrary to principles of law and order (public order) of the Russian Federation." The court was not bound by that specific attitude and could proceed from the formal content of foreign law (this approach is characterized by the high degree of formalism of the Russian Federation civil legislation).

The court was increasingly given an opportunity to exclude the rule of foreign law from applying to a specific legal relationship. Amendments made to this rule of law specified the terms of application of Article 1193 of the Code prescribing the range of application complicated by a foreign element.

In light of the changes mentioned, a significant role in addressing this issue was acquired by the process of proof and the competitiveness of the parties as a whole. Thus, the party relying on foreign law in order to minimize the risk of not applying rules based on the public policy reservation should justify that for these particular relations, subject to their character, the foundations of the rule of law will not be affected. This implies that the courts will be more cautious in applying the rule of the foreign law that would make the Russian legal system more flexible and consequently, our domestic markets will become more attractive for investments.

The changes to Article 1202 of the Code have made an exception to the conflict rules of law aimed at determining the personal law of the legal entity. Their essence is not directly reflected in the text of the codified law. This redrafted article contains a reference rule to the Federal Law "On Amendments to the Federal Law" "On introduction of the first part of the Civil Code of the Russian Federation " and the third part of the article 1202 of the Civil Code of the Russian Federation ", which in turn reveals the relationship with the Republic of Crimea and Sevastopol - the city of federal significance attached to the Russian territory. The legislator mentions neither in the title of the law providing exceptions, nor in the text of the Code, the names of the given territories. This decision can be primarily regarded as a shrewd political move. From the legal point of view it follows, that this provision is transitional, since entities who wish to have as a personal law the law of the Russian Federation must bring their constituent documents in compliance with the Russian legislation and apply for entry in Trade and

Company Register in the period before January 1, 2015. Despite the fact that this period may be subsequently extended by a separate law, however, it should be expected that in the future, paragraph 1 of Article 1202 of the Civil Code will not undergo changes.

Many lawyers have criticized the lack of conflict rule in the Code, which provides the procedure for adjusting the responsibility of the founders (participants) of the legal entity on his obligations. Such a regulation is reflected in paragraph 2 of Article 1202 of the Civil Code. The new conflict rule provides that the liability of the founders (participants) of the legal entity for its obligations are determined on the basis of the personal law of the legal entity.

In such circumstances, an interesting situation is seen with public legal entities in Russia (the Russian Federation, subjects of the Russian Federation and municipal entities) who act as founders of various organizations through which they often operate.

Increasingly often, the participation of public legal formations in Russia is reflected in the legal entities created by them. However, the adoption of this provision suggests that when entering into circulation, even indirectly, the subjects of public power will waive the part of their sovereignty. However, now this kind of protection methods is not possible.

It is not uncommon in international jurisprudence when the Russian Federation refuses to comply with the decisions of international tribunals. Illustrative is a dispute between the Government of the Russian Federation and the Swiss company «Noga».

"In 1991, the Russian government has signed barter agreement with the Swiss trading company" Noga " on supplies of food, consumer goods and pesticides in exchange for petroleum products valued at 1.5 billion dollars. Both sides said of default to each other, and in 1993, the Luxembourg Court recognized the legitimate demands of the Swiss (the company requires the return of approximately 60 mln.\$) and arrested the Russian assets in a number of Western banks " [1].

The case when the famous sailing ship "Sedov" was mistakenly arrested because of the debts of Russia's Government Swiss company «Noga» became well-known and notorious because of the power of relationship tension. Despite the fact that the arrest, for the purpose of the subsequent sale of the vessel was recognized by the French Court of Appeal illegal due to the fact the sailboat was owned by the Murmansk State Technical University, the fact of the debt of the Russian Federation to the Swiss company has remained undisputed.

There have been many attempts to foreclosure the property of the Russian Federation in the mentioned case. The judgments were made in

Courts of Lyuksenburg, Switzerland, Sweden and others. However, the complexity of foreclosure from this type of subjects is evident. In the said case there were also many negative decisions to lift the seizure from the property, and an indication of uncollectibility due to various acts of public policy.

Summarizing the above, it should be stated that the changes in the Russian legislation are made in accordance with the latest trends in European law, and legal protection of foreign market participants raises. However, not all the mechanisms of regulation emerged in full. Certainly, with regard to the general trends in the development of Russian law observed for a long period of time and aimed at the liberalization and harmonization of Russian law, such problems will be eliminated.

References:

1. Official site RIA Novosti <http://ria.ru/spravka/20051116/42107336.html#ixzz3GnnvQJO5> (date accessed 22/10/2014)
2. "The Civil Code of the Russian Federation (Part Three)" from 26.11.2001.
3. The federal Law of 05.05.2014 N 124-FZ "On Amending the Federal Law" On introduction of the first part of the Civil Code of the Russian Federation "and the third part of the article 1202 of the Civil Code of the Russian Federation."
4. Official website of the newspaper Kommersant http://www.kommersant.com/p842554/r_528/Noga_vs._Russian_Federation/ (date accessed 10/22/2014).

SOCIAL SECURITY LAW

ON THE DEFERRED RETIREMENT: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

¹A. Nosulenko

*1. Student of faculty of training of law enforcement officers,
South Ural State University, Russia*

The article in question the advantages and disadvantages for the citizens who have decided to retire at a later date than the retirement age will come.

Keywords: pension, pension formula, insurance benefits, deferred pension, pension reform.

С 1 января 2015 года вступает в силу основная часть Федерального закона от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях», который существенно изменит порядок формирования пенсионных прав и расчёта страховой пенсии. Одним из ключевых положений пенсионной реформы, является то, что принятая пенсионная формула призвана стимулировать граждан к более позднему выходу на пенсию.

В частности, министр финансов РФ Антон Силуанов заявил: «...мы провели серьезную работу по пенсионной реформе. Это первый шаг, мы сделали ее более справедливой, более стимулирующей для того, чтобы наши граждане дольше работали и позже выходили на пенсию, более справедливой с точки зрения льготных категорий».

Об это же высказался министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин: «новая пенсионная формула предусматривает право гражданина трудиться за пределами общеустановленного пенсионного возраста, добровольно отложив выход на пенсию. Важно, что в этом случае его пенсия будет выше: если обратиться за назначением пенсии через пять лет после достижения пенсионного возраста, то фиксированная выплата вырастет на 36%, а страховая пенсия – на 45 %, то есть почти в полтора раза».

На официальном сайте Пенсионного фонда РФ сообщается: «если обратиться за назначением пенсии через 10 лет, то фиксированная

выплата увеличится в 2,11 раза, а страховая часть – в 2,32 раза». Коэффициент повышения размера фиксированной выплаты и коэффициент повышения индивидуального пенсионного коэффициента при исчислении размера страховой пенсии по старости закреплены в Приложении №1 и Приложении №2 к Федеральному закону от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

Таким образом, новая пенсионная формула подталкивает пенсионеров к продолжению трудовой деятельности даже по достижении пенсионного возраста, чтобы через несколько лет получать повышенную пенсию. И чем больше срок дополнительной работы, тем больше выплаты при выходе на заслуженный отдых.

Но является ли подобное нововведение действительно выгодным для граждан? Для того, чтобы это узнать – проведем некоторые расчёты. Для примера возьмём двух мужчин, которые достигли 60 лет к моменту вступления в силу указанных положений (1 января 2015 года) с пенсией по старости в размере 10 000 рублей, где 3935 рублей – фиксированная выплата (согласно ст. 16 ФЗ «О страховых пенсиях»), а сумма 6095 рублей равна 94 баллам, так как согласно ч. 10, ст. 15 ФЗ «О страховых пенсиях» стоимость пенсионного балла в 2015 году составляет 64 рубля 10 копеек.

Оба мужчины решили продолжить трудовую деятельность в течение последующих 5 лет с заработной платой в 15 000 рублей, но первый – не воспользовался своим правом более позднего обращения за назначением пенсии, а оформил пенсию сразу, а второй – решил увеличить свою пенсию, отложив оформление на 5 лет.

Кроме того, стоит учесть, что в соответствии с п. 1, ч. 6, ст. 35 ФЗ «О страховых пенсиях» пенсия первого и второго мужчины будут ежегодно индексироваться с учётом индекса роста потребительских цен, но так как он равен для первого и второго мужчины, то на итоговый расчёт это никак не повлияет.

Также согласно п. 3, ч. 2, ст. 18 ФЗ «О страховых пенсиях», учитывая тот факт, что оба пенсионера продолжают работать, то ежегодно 1 августа их пенсия будет пересчитываться в соответствии с размером страховых взносов, которые отчисляются работодателем в Пенсионный фонд РФ.

Важно отметить, что согласно п. 1, ч. 3, ст. 18 ФЗ «О страховых пенсиях» – максимальное значение индивидуального пенсионного коэффициента при перерасчете страховой пенсии у лиц, чья накопительная пенсия не формируется не может быть более 3. Таким образом, максимальная сумма прибавки в результате перерасчёта для работающих пенсионеров не может превышать 192 рубля 30 копеек.

В то время как для второго мужчины, который отложил оформле-

ние пенсии на 5 лет максимальные значения индивидуального пенсионного коэффициента перерасчете страховой пенсии в том случае, если накопительная часть пенсии не формируется – в 2015 году равно 7,39 баллов, то есть не более 473 рублей.

Учитывая то, что заработная плата первого и второго мужчины составила 15 000 рублей, то годовая заработная плата будет равна 180 000 рублей, то есть с учётом общего тарифа страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в 22% – общий размер страховых взносов составит $180\,000 \times 22\% = 39\,600$ рублей, откуда 10 800 рублей по тарифу 6% направляется на солидарную часть, а 28 800 рублей по тарифу 16% – на страховую пенсию. Именно из этой суммы и идёт расчёт пенсионных баллов.

Для того, чтобы перевести 28 800 в пенсионные баллы необходимо разделить её на сумму страховых взносов с максимальной взнособлагаемой заработной платы. В 2015 году такая заработная плата установлена в размере 733 000 рублей. Следовательно, максимальная сумма страховых взносов равна – $733\,000 \times 16\% = 117\,280$ рублей. Далее делим нашу сумму страховых взносов на полученный результат: $28\,800 / 117\,280 = 0,2455$. Чтобы перевести это в баллы необходим этот итог умножить на 10. Таким образом, годовой пенсионный коэффициент для наших мужчин составит 2,455 балла или 157 рублей.

	Пенсия на начало года	Прибавка с учётом взносов	Пенсия на конец года
2015	10000	157	10157
2016	10157	157	10314
2017	10314	157	10471
2018	10471	157	10628
2019	10628	157	10785

Таким образом, через 5 лет пенсия первого мужчины, который не воспользовался своим правом более позднего обращения за назначением пенсии составит 10 785 рублей (без учёта ежегодного индексирования, так как оно будет равным для обоих мужчин), а сумма полученных за 5 лет накоплений составит 618 840 рублей. В то время как сумма пенсионных накоплений второго мужчины будет равна 0.

Но с учётом премиальных коэффициентов, закрепленных в приложении №1 и №2 ФЗ «О страховых пенсиях» размер его пенсии составит: (94 балла за трудовую жизнь до 60 лет + 12,3 балла полученные за 5 лет работы после 60 лет) $\times 64,1$ (стоимость пенсионного балла) $\times 45\%$ (премиальный коэффициент для страховой пенсии) + 3

935 (фиксированная выплата) x 36% (премиальный коэффициент для фиксированной выплаты) = 15 231 рубль, то есть на 4 446 рублей больше, чем у первого мужчины. Но насколько это оправдано?

Для ответа на этот вопрос сравним суммарный размер пенсионных выплат, полученных гражданами на конец года.

	1-й пенсионер	2-й пенсионер		1-й пенсионер	2-й пенсионер
2015	120 000	0	2020	746 376	182 772
2016	241 884	0	2021	873 912	365 544
2017	365 652	0	2022	1 001 448	548 316
2018	491 304	0	2023	1 128 984	731088
2019	618 840	0	2024	1 256 520	913860

Из приведенной таблицы следует, что по сумме полученных выплата второй мужчина, который решил позже выйти на пенсию – значительно уступает первому мужчине, так как разрыв между ними даже через 10 лет составляет 342 660 рублей в пользу первого. И обещанную выгоду от своего решения – отложить получение пенсии на 5 лет, второй пенсионер получит только на 77-м году жизни, когда его суммарный доход на 43 992 рубля превысит доход первого.

Учитывая тот факт, что согласно данным Росстата за 2013 год средняя продолжительность жизни в России составляет 70,8 лет; продолжительность жизни мужчин – 65,1 лет, женщин – 76,3 лет, то решение пенсионера отложить выход на пенсию представляется выгодным и рациональным для Пенсионного фонда РФ и министерства финансов, но никак не для пенсионера.

References:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 26.01.2009, N 4, ст. 445.
2. Гинзбург Л.Я. Трудовой стаж рабочих и служащих. М., 1958. С. 37 - 86; Право социального обеспечения / Под ред. К.Н. Гусова. М., 1999. С. 21 и др.
3. Гушин И.В. Советское право социального обеспечения (вопросы теории). М., 1982. С. 76-87.
4. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М., 1980. С. 40; Аракчеев В.С. Пенсионное право России. СПб., 2003. С. 76 - 88.

5. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. М., 2004. С. 218, 220.
6. Калашников С.В. Становление социального государства в России. М., 2003. С. 120.
7. Пенсия по справедливости // Российская газета. 2008. 11 июня. N 126.
8. Определение Конституционного Суда от 21 декабря 2000 г. N 276-О. Официально не опубликовано.
9. Орлов-Карба П.А. Все о пенсионной реформе в России: Монография. М., 2005. С. 81.
10. Шитов М.В. Право на социальное обеспечение по возрасту в Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006. С. 8 - 9.
11. Чупрова Е.В. Право на пенсионное обеспечение и его реализация в условиях рыночной экономики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1999. С. 10 - 11.
12. Савостьянова В.Б. Роль государства в реализации конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение и социальные льготы // Государство и право. 2005. N 5. С. 79.

ENVIRONMENTAL LAW

INSTITUTE OF PUBLIC ECOLOGICAL CONTROL: PROBLEMS OF PRACTICAL IMPLEMENTATION AND THEIR SOLUTIONS

¹R. Kadyrov

*1. Faculty of training of law enforcement officers,
South Ural State University, Russia*

The article of ween upon the problems of public ecological control and the ways to solve them.

Keywords: control, ecology, ecological control, public ecological control.

The right of everyone for a healthy environment belongs to the universal values of the natural rights of a man and citizen, which affect the very foundations of his existence and which are linked to the maintenance of material and spiritual conditions of life. One of the guarantees of the implementation of this right is Article 58 of the Constitution of the Russian Federation, which obliges every citizen to protect nature, to use natural resources carefully [1]. Violation of the established obligations entails the application of legal liability measures. But sometimes preventive measures are much more effective than involvement of legal liability. On the background of civil society formation in Russia, public control over the activities of public authority institutions has gradually begun to penetrate into the Russian reality. One of the kind of public control is ecological control, which is one of the tools of preventive measures. The institute of public ecological control, has been widely developed in Europe, it is based on many international ecological documents, for example, the Aarhus Convention, which provides public participation in decisions that may affect the condition of environment, reduce environmental risks and the threat of environmental damage [2].

The are various forms of public ecological control. These may be public hearings, referendums, public environmental reviews, contacting

the media, sending complaints, claims and suits to law enforcement agencies and to the court [3]. This list is not specified in legislation directly, but it can be deduced by the analysis and comparison of norms of the Constitution of the Russian Federation, Federal law "About Ecological Expertise", the Federal law of the Russian Federation dated 27.07.2006 № 149-Ф3 "About Information, Information Technologies and Information Protection", Federal law of 19.05.1995 N 82- Ф3 "About Public Associations", the Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.1993 N2334 "About Additional Guarantees of the Citizens' Rights to Information".

General principles of public ecological control are referred to in the Article 68 of the Federal law "About Environmental Protection", which provides its main aim: the realization of everyone is right a healthy environment and prevention of legislation violations in the field of environmental protection. In addition, it is possible to single out such purposes as detecting violations of environmental laws, suppression of environmental violations and prevention of environmental damage [4].

Subjects of public control in the sphere of environmental protection in accordance with part 2, Article 68 of the Federal law "About Environmental Protection" are public associations and other nonprofit organizations in accordance with their charters, as well as citizens. The results of the public ecological control submitted to the state authorities of the Russian Federation, bodies of state power of subjects of the Russian Federation, bodies of local self-government, are subject to obligatory consideration. Unfortunately, despite the direct fastening of this tool in the law, this institution is largely ineffective and does not have the proper legal mechanisms for its implementation. What are the causes of low efficiency of this tool? There are several such reasons. One of the main reasons is the lack of proper legal regulation of this issue; the law does not set out the procedure for conducting public ecological control and the interaction between public organizations and authorities at federal, regional and local levels is not fully regulated. Another important reason for low efficiency of public control is a low level of legal culture and environmental awareness of citizens. Additionally, there is not any real responsibility for poor ecological control, which leads to the lack of desire to improve the quality of the ecological control. You can also highlight such reasons as officials abuse, artificial restrictions on giving environmental information and others.

What allows us to make a conclusion about relatively low efficiency of public ecological control? It seems that the most objective criterion of the effectiveness of any kind of ecological control should be considered the condition of the natural environment or of a separate natural

resource in dynamics. Assessment of public control should be conducted on the extent and in terms of solutions of the environmental problems the public organization deals with. Industrial environmental control should be evaluated in terms of compliance with the environmental requirements and the impact of a particular company on the environment, and the effectiveness of the totality of environmental monitoring forms should be carried out according to the degree of improvement of ecological situation in the country. But, unfortunately, the quality of the environment is constantly decreasing. Today a large part of the population of Russia use water that does not meet even the minimum standards levels, a significant number of the inhabitants of fauna and flora are being destroyed, the amount of green space in the city is dramatically being reduced.

It seems that one solution of this problem could be legislative recognition of such a reporting system in which public ecological organization must announce publicly objective measures that contribute to improving of the environment at the beginning of the year, and at the end of the year it must report on what results have been achieved, and what - have not. In addition, it is necessary to conduct a thorough analysis of the causes of their failure. Moreover, it is important for these reports not to be formal, but to reflect the real situation and to be correlated with the overall environmental policy of the state, the region, the municipal union. The introduction of such a system will allow to determine the most effective non-governmental ecological organizations that can share their experiences and best practices with other, less effective organizations.

In addition, it requires a clear legal mechanisms for public organizations and citizens to realize their right for a healthy environment, information, participation in ecological decision making, judicial protection of these rights in the presence of government guarantees and assistance in the implementation of generally useful ecological activities. One option to achieve this is to consider the question of Russia's accession to the Aarhus Convention and the adoption of the Federal law "About Public Participation in Environmental Protection". Unfortunately, if you look at the trends in the change of legislation, we can see that our state is on the opposite way. In the Federal law of 08.08.2001 N134-ФЗ "About Protection of Legal Entities and Individual Entrepreneurs' Rights During State Control (supervision) " the possibility of unscheduled events in case of receiving information about emergencies, environmental pollution, damage to property, receipt of citizens, legal entities and individual entrepreneurs with complaints about violations of their rights and legitimate interests by the

actions of legal entities or individual entrepreneurs was assigned [5]. But adopted instead of the Federal law dated 26.12.2008 N 294-ФЗ "About protection of legal entities and individual entrepreneurs' rights in the exercise of state control (supervision) and municipal control" has greatly complicated the system and reduced its effectiveness, further limiting opportunities for state control and giving in fact the right of decision to conduct or not to conduct checks on the citizens' appeal, in the hands of the prosecutor. Now planned inspections may be conducted no more than once every three years in accordance with the developing annual plan, which is published on the official website of the authority of state control in advance. Projects of annual plans are also sent to the prosecution authorities for the formation of the Prosecutor General's annual consolidated plan of scheduled audits. Extraordinary inspection may be conducted on a limited list of grounds and only after agreement-consideration with the authority of the Prosecutor's office [6].

One of the forms of public control realization is the citizens' appeal to the state authorities. According to the register of inspections for citizens and public associations appeals in 2012, which is posted on the website of the office of the Federal service for supervision in the sphere of natural resources of the Chelyabinsk region, for the 3rd quarter of 2012 37 complaints were taken from citizens. Twenty out of 37 complaint were redirected to other authorities in respect of the rest check-up was conducted, as a result 11cases of violations were confirmed out of the 17, and 6 violations were not confirmed [7]. Incidentally, it is worth noting that despite the fact that the 4th quarter of 2013th year is now coming to the end, the latest report on the website is the report for the year 2012, which is also a violation of the right of citizens to have access to reliable information about the condition of the environment and is not correlated with the principle of transparency of public authorities.

Mainly, individuals appeal in the office of the Federal service for supervision in the sphere of natural resources of the Chelyabinsk region using calls to the hotline and through written requests to the Public reception. It seems quite interesting that about 50% of all complaints from citizens were sent to other bodies of Executive power. This suggests that when receiving calls the officials are not always adequately able to explain to citizens what authority they need to ask, that leads to this bureaucracy. In addition, a small number of complaints from citizens is worth noting. In fact, during the 3 months of the operation of the authority there were check-ups for 17 cases, that indicates passivity of citizens in exercising their right to public control.

Summing up, we can conclude that the system of public ecological control in Russia is only at the stage of formation. It seems that the

most promising direction in the development of this institute should be more interaction with other forms of environmental control, not confrontation or overlapping each other. In terms of cooperation with state bodies, public associations and citizens could promptly inform the competent authorities about the existing environmental setting in the yard, the neighborhood, quarter, etc. that in the long run would contribute to improving of the ecological situation and the realization of the right of citizens to a favourable environment not only on paper but also in practice. Conducting public environmental control is one of the variants of civil society control over the activities of public authorities and commercial structures, and it is civil society that is an integral part of the legal state Russia strives for.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993 Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993: comp. on December 01, 2013 // the Russian newspaper. - 2009. - on January 21.
2. The European Convention of the UN Economic Commission "About access to information, public participation in decision making and access to justice in matters relating to environmental protection" dated June 28, 1998
3. Dubovik O. L. Environmental law: textbook. / O. L., Dubovik. - M.: Prospect, 2009. - 720 C.
4. The international Covenant on civil and political rights, 16 December 1966, Art. 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 12. - 1994.
5. About the environment protection: the Federal law of January 10, 2002 No. 7-Φ3: comp. on December 01, 2013 // the Russian newspaper. - 2002. - January 12.
6. About the protection of legal entities and individual entrepreneurs' rights during state control (supervision): the Federal law of August 8, 2001 No. 134-Φ3 // the Russian newspaper. - 2001. - August 11.
7. About the protection of legal entities and individual entrepreneurs' rights in the exercise of state control (supervision) and municipal control: the Federal law of December 26, 2008 №294-Φ3 // the Russian newspaper. - 2008. December 30.
8. The registry of inspections for citizens and public associations' appeals in the 3rd quarter of 2012 [Electronic resource] / Department of the Federal service for supervision in the sphere of natural resources of the Chelyabinsk region [website]. - URL: <http://nature.t5.ru/node/23> (date of access: 01.12.2013)

LAW OF DOMESTIC RELATIONS

FEATURES OF LEGAL REGULATION HEREDITARY RELATIONS IN WESTERN STATES ON THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT

¹S. Zhelonkin

*1. PhD, Associate Professor of Civil Law at St. Petersburg University,
Russian Ministry of Internal Affairs*

The article in a concise and accessible manner presents an analysis of the individual features in the legal regulation of genetic relationships in Western order.

Keywords: inheritance, wills, inheritance property, private property, the heir.

Современные тенденции развития человеческого общества сформировали принципиально новые подходы в урегулировании взаимоотношений людей. И тем не менее, одним из важнейших институтов, определяющих социальные устои жизнедеятельности человека, продолжает оставаться право частной собственности. По словам К. Маркса «законы о наследовании являются... юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности...» [1, с. 336]. Институт наследования остается традиционным средством упорядочения отношений собственности, обеспечивающим вопросы, с одной стороны, юридического регулирования имущественных прав, а с другой – социальной справедливости, позволяющей человеку передать, а его близким получить то, что было нажито им при жизни [2, с. 3]. В этой связи чрезвычайно актуальным представляется компаративное исследование правового регулирования наследственных отношений западных государств на современном этапе развития.

Правовое регулирование наследственных отношений в зарубежных правовых порядках исходит из сочетания двух основополагающих принципов: а) свободы завещания и б) охраны интересов семьи.

Во всех зарубежных странах применяются два порядка наследования: по закону и по завещанию. Вместе с тем в порядке наследо-

вания, как по закону, так и по завещанию в странах континентальной Европы и в странах общего права имеются существенные различия.

Во-первых, в странах общего права наследственное имущество переходит к наследникам не непосредственно, а через так называемого личного представителя. Он обычно назначается судом из числа заинтересованных лиц и называется администратором (Administrator). В случае, если распорядитель наследства указывается самим наследодателем в завещании, он утверждается судом и именуется исполнителем (Executor). Личный представитель определяет объем наследственного имущества (наследственную массу), управляет им в режиме доверительного собственника, удовлетворяет претензии кредиторов наследодателя, ведет другие его дела; распределяет наследство между наследниками, представляет по требованию суда отчет о произведенных действиях и возмещает ущерб, причиненный его недозволенными действиями наследникам или кредиторам наследодателя.

Во-вторых, в странах общего права имеет место привилегированное положение пережившего супруга как наследника.

Говоря об источниках правового регулирования наследственных отношений следует заметить, что в странах континентальной Европы нормы наследственного права включены в состав гражданских кодексов и помещены, как правило, вслед за нормами, регулирующими правовое положение физических лиц и семейные отношения.

Во Франции нормы, регулирующие наследственные отношения, содержатся в первых двух титулах книги III ГК («О различных способах, которыми приобретается собственность»), озаглавленных соответственно «О наследовании» и «О дарениях между живыми и в завещаниях». Наследование по закону рассматривается в ФГК отдельно от наследования по завещанию, которое регулируется в тесной связи с прижизненными дарениями. Это объясняется наличием в законе общих норм, регулирующих порядок безвозмездного приобретения имущества [3, с. 629].

В Германии наследственным правоотношениям посвящена отдельная книга V ГГУ («Наследственное право»).

В Швейцарии нормы наследственного права также содержатся в отдельной книге III ШГК («О наследствах»). Регламентирование ряда вопросов (в частности, связанных с составлением завещания) кодекс относит к компетенции кантонов.

В странах англо-американской системы права, наряду с судебным прецедентом, существенная роль в регулировании наследственных отношений принадлежит закону.

В Англии среди наиболее важных законов в этой области следует отметить закон о завещаниях 1837 года, закон об администрирова-

нии наследств 1925 года, закон о наследстве лиц, не оставивших завещания, 1952 года, закон о наследовании 1975 года. Имеются и другие нормативные акты по отдельным вопросам наследственного права.

В США принятие законодательства о наследовании отнесено к компетенции отдельных штатов. Во многих из них законы о наследовании включены в своды законов штатов (Вирджиния, Теннесси, Южная Каролина и др.). В штате Луизиана, где, как известно, действует Французский гражданский кодекс, до настоящего времени сохранилась в основных чертах французская система наследственного права. Существующие (подчас весьма серьезные) различия в регламентации наследственных отношений в рамках отдельных штатов вызвали к жизни потребность в достижении единообразия правовых норм в данной области. Наметившиеся унификационные тенденции выразились, в частности, в разработке единообразного закона о наследовании (Uniform Probate Code), принятого в нескольких штатах (например, Аляске, Айдахо).

В последние десятилетия в законодательстве рассматриваемых стран произошли изменения, повлекшие за собой расширение наследственных прав усыновленных и внебрачных детей. В результате усыновленные были полностью уравнены в наследственных правах с законнорожденными детьми (закон от 11 июля 1966 г. во Франции; закон от 2 июля 1977 г. в ФРГ; закон от 30 июня 1972 г. в Швейцарии закон 1958 г. в Англии отдельных штатов США). Что касается внебрачных детей, наследственные права которых почти полностью отрицались, то они также (за некоторыми исключениями) получили равные права с законнорожденными, а их родители могут наследовать после них в принципе так же, как после своих законнорожденных детей (закон от 3 января 1972 г. во Франции; закон от 19 августа 1969 г. в ФРГ; закон от 15 сентября 1975 г. в Швейцарии: закон 1969 г. в Англии; законы отдельных штатов США). Необходимым условием для этого является признание внебрачного ребенка со стороны родителя или установление его происхождения по решению суда. Указанные изменения в законодательстве западноевропейских стран в значительной степени связаны с принятием в рамках Европейского совета Конвенции об усыновлении детей (24 апреля 1967 г.) и Конвенции о правовом положении внебрачных детей (15 сентября 1975 г.).

Некоторые законы внесли определенные изменения в объем и характер наследственных прав пережившего супруга в направлении их расширения, что отвечало, в первую очередь, интересам замужней женщины. Так, во Франции, законодательство которой ставило пережившего супруга на последнее место в числе наследников по закону, в результате чего он призывался к наследованию лишь при отсутст-

вии кровных родственников (включая боковых до 12-й степени), были приняты два закона (от 26 марта 1957 г. и от 3 января 1972 г.), предоставившие ему более широкие возможности для получения наследства. Однако и сейчас переживший супруг в большинстве случаев получает не право собственности, а лишь usufruct на часть наследственного имущества, размер которой варьируется в зависимости от разряда наследников.

В Англии, законодательство которой и ранее отдавало пережившему супругу предпочтение перед иными наследниками, законом о наследовании (об обеспечении семьи и иждивенцев) 1975 года были расширены его возможности на получение «разумного содержания» из наследственного имущества. Этим же законом аналогичное право было предоставлено более широкому, чем ранее, кругу лиц (бывшей жене, не вступившей в другой брак, детям наследодателя, в том числе внебрачным, и др.).

Среди других законов, внесших изменения в регулирование отдельных вопросов наследственных отношений, можно отметить: французский закон от 31 декабря 1976 г., предусмотревший иной режим общности наследственного имущества; закон ФРГ от 28 августа 1969 г., касающийся ряда вопросов оформления завещательных распоряжений, и закон ФРГ от 14 июня 1976 г. о реформе брачно-семейного права, изменивший, в частности, некоторые положения, связанные с правом наследников на обязательную долю.

Таким образом, несмотря на существенный социально-экономический прогресс общества, значительным образом изменивший типичные представления людей о способах и формах взаимного существования, вопросы приобретения права собственности на имущество после смерти человека социально близкими ему при жизни людьми сохраняют особую актуальность и в современной действительности, о чем свидетельствует динамика развития источников правового регулирования наследственных отношений.

References:

1. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения. т. 13, ч. 1. – М.: Издательство Политической литературы, 1959.
2. С.С. Желонкин, Д.И. Ивашин. Наследственное право: учебное пособие. – М.: Юстицинформ, 2014.
3. История государства и права зарубежных стран. В 2-х ч. под ред. Крашенинниковой Н.А. и Жидкова О.А. – М.: Издательство НОРМА, 2003.

**MODERNIZATION OF THE CIVIL LAW.
PATENT LAW AND COPYRIGHT LAW**

**LEGAL PROTECTION OF CITIZEN'S IMAGE:
THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

¹E. Grin

*1. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University, Russia.*

Annotation: This article analyzes the practice of the European Court of Human Rights concerning the protection of citizen's image. This right is guaranteed in Article 8 of the Convention implementing the right to privacy. The author examines the legal positions of the Court and concludes that in dealing with the protection of citizen's image Court in each case relates to the right to privacy to freedom of expression as the two basic values guaranteed by the Convention.

Keywords: the right to privacy, citizen's image, freedom of expression, European Court of Human Rights.

Legal protection of citizen's image is regulated in Article 152.1 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter - the Civil Code, the Code). In this norm reflects the approach of the legislator that the disclosure and further use of the image of the citizen (including his photographs and videos or work of art in which he is depicted) are permitted only with the consent of the citizen. However, there is some cases where the consent of the citizen to commit such acts are not required.

It is possible to ascertain the presence of positive changes with respect to legislative support of the right to respect for the right to privacy. Moreover, on the basis of the European Court of Human Rights (hereinafter - the Court, the ECHR) has taken steps to address many of the problems in the protection of moral rights under national laws of the States Parties of the European Convention «On Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms» [1] (hereinafter - the Convention). For example, the Case of Von Hannover v. Germany, in particular,

served as a guide for the formation of the legal position on the issue of safety and protection of the rights of individuals on the image for many countries, including the Russian Federation, the Civil Code which included the above article 152.1 of the Civil Code.

According to paragraph 1 of Article 8 of the Convention, everyone has the right to respect for his private and family life, his home and his correspondence

However, the right to respect for private and family life guaranteed by Article 8 of the Convention, is opposed to another right - the right to freedom of expression. Mass media abused the right to freedom of expression guaranteed in the Convention, and invade the privacy of citizens, interpreting article 10 of the Convention as to provide them with exclusive, full and unrestricted freedom to receive information.

Thus, Articles 8 and 10 of the Convention include legal provisions aimed at ensuring the protection and in many ways opposing interests. Thus, Article 8 applies in cases of privacy violation and protecting the autonomy of private and family life. Article 10, on the other hand, protects the freedom to receive and disseminate information as an element of the right to freedom of expression. To achieve this goal it is necessary to clarify the scope in which the available remedies for infringement of privacy and family life, and to establish criteria for the appropriate distinctions.

The Court in each case decided the issue of the relationship between the right to privacy and the right to freedom of expression [2].

It should be noted that one of the key cases in the studied subjects was judgment of the European Court of Human Rights in the case of the Princess of Hanover [3]. It is on the Resolution on the case «Von Hannover (Princess of Hanover) against Germany» refers to the Court in most cases in disputes under Articles 8 and 10 of the Convention.

Senior daughter of Prince Rainier III of Monaco has filed a complaint with the European Court of Human Rights, claiming that the German Courts decision in her case violated her right to respect for private and family life (including the right of citizen's image) guaranteed by Article 8 of the Convention. The applicant sought through the courts to prevent the publication in mass media in several European countries photos related to her private life. German courts have not recognized the applicant's claim.

The Court had to decide whether the German authorities violated enshrined in Article 8 of the Convention obligations, failed to protect the applicant from the paparazzi who had invaded her privacy.

In conclusion, the Court stated that «the decisive factor in determining the balance between the protection of privacy and freedom

of expression should be the contribution that the published photos and articles make to a debate of public interest. In the present case, it is clear that they have not made such a contribution, as the applicant fails to perform official functions, and photos and articles related exclusively to details of her private life» [3, § 76].

Thus, the European Court of Human Rights pointed to the violation of the right to respect for private and family life guaranteed by Article 8 of the Convention.

In conclusion, the Court concluded that there had been an interference with the applicant's right to respect for private and family life, which was intended to defame her, presenting as an established fact that information that has not been properly investigated or established, which means a violation of the rights guaranteed by Article 8 of the Convention.

As noted by the European Court of Human Rights in other decisions, the press takes an essential function in a democratic society, but it must not overstep certain bounds, including in respect of the reputation, rights of other persons and the need to prevent the disclosure of confidential information) [§ 59, 62, 4].

As the press in the present case, covered the events taking place in the framework of criminal proceedings, in the judgment of the Court noted that in such situations the right of journalists to disseminate information on issues of public interest is limited to good faith actions and reports «accurate and precise information» in accordance with journalistic ethics [5].

Analysis of the decisions of the European Court of Human Rights indicates that in solving problem of correlation between of the right to respect for private life and the right to freedom of expression as the two basic values guaranteed by the Convention, the Court analyzes in detail the criteria provided for in paragraph 2 of Article 10 of the Convention (in relation to the limits of the exercise of freedom preparation and dissemination of information), and guided by its own legal position set out in the framework of relevant cases.

References:

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (conclude in Rome 11/04/1950) (rev. Of 13.05.2004).
2. Case of Ageyevy v. Russia. Application No. 7075/10. Strasbourg, 18.IV.2013; Case of Flinkkila and Others v. Finland. Application No. 25576/04; Case of MGN Limited v. the United Kingdom. Application No. 39401/04. Strasbourg, 18.I.2011.

3. Case of Von Hannover v. Germany. Application No. 59320/00. Strasbourg, 24.VI.2004.
4. Case of Bladet Tromso and Stensaas v. Norway. Application No 21980/93. ECHR 1999-III; Case of Toma v. Romania. Application No 42716/02.
5. Case of Godlevskiy v. Russia. Application No 14888/03.

THE FEATURES OF SECURITY AGREEMENTS

¹O. Grin

*1. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University, Russia*

The article carries material about different approaches to the definition of the features of security agreements. The author stresses the need to improve the functional approach and determines directions in the study of this issue.

Keywords: security agreement, security interest, secured transaction, functional approach, accessory.

Security agreement is one of the major categories of modern civil law, which is to be investigated [1, p. 67]. First of all it is necessary to determine the features of this definition.

B.M. Gongalo highlights the following features of the use of security agreements: a) leads to the appearance of accessory obligations; b) suggests the possibility of occurrence of property effects; c) the property effects may occur only in case of violation of the main obligations of the debtor; d) to breach the security agreement or stimulate the debtor to the execution of the principal obligation or gives assurance to the creditor that the breach of an obligation not lead to a diminution of his property. Thus, the author bases his understanding primarily on the **functional approach** [2, p. 35-40].

Other definitions of security agreements play a decisive role their other characteristics. Thus, these agreements can be defined through the category of **subjective right** of a special type. For example, under the German law H. Weber characterizes them as such contractual arrangement, when the security of requirements of the creditor to a debtor arises in the form of a subjective right (*Sicherungsrecht*), which the creditor can realize if his obligation was not fulfilled. Author defines the security right as a right arising from of obligation or rem agreement that the creditor can realize if such a right secured claim against the debtor or a third person is unfulfilled [3, p. 7-8].

The main drawback of this statement is that it does not allow distinguishing of the security and the sanction.

In addition, the main focus in the concept of security agreement can be made on such a feature as the creation of an additional **source of performance** of the obligation, reserve of execution.

N.Y. Rasskazova defines a security agreement as civil measure of a material nature that creates for the lender in the principal obligation additional, external to that commitment, the source of his execution [4, p. 58]

Under this understanding to the security agreements may not apply the deposit and liquidated damages, because when using these tools additional source performance is not created.

In addition to these characteristics, it is necessary to find common legal grounds for all the security agreements which allow combining them into one legal institution.

In general, an **accessory** is considered as such common legal ground. Accessory means a legal dependency of security obligation from the general obligation.

However, the controversy in this case is shown in relation to the bank guarantee, which is called by the law as a secured agreement that is considered as non-accessory (**independent**) obligation (art. 370 of the Civil Code of the Russian Federation).

It is suggested to solve this contradiction in the literature in two ways: either the bank guarantee excludes from the system of security agreements or accessory is given a broad interpretation. From our point of view, neither one nor the other option should be considered acceptable.

Thus, the feature of accessory is not present in all security agreements.

Therefore, the functional approach assumes special importance.

Among the functions of security agreements are allocated **stimulating** and **protective** functions.

Stimulating function is that the security directs the debtor to the proper performance of obligations under the threat of adverse property effects for him.

The protective function is expressed in giving the creditor additional possibilities to satisfy his interests that may be affected due to violation of the principal obligation. In this case we are talking about an additional **source of performance** of the obligation as mentioned above.

But what is the reason inclusion in the system of security agreements such tools, which are similar with the measures of responsibility?

We can see this problem as an example of the relation of liquidated damages and general damages. The difference between them is only in a predetermined amount of the liabilities imposed on the debtor who has violated the obligation. It is necessary to note that according the Anglo-American law system liquidated damages is regarded as a kind of general damages.

In addition, the concept of **stimulating** has specificity, which depends on the subjective factors.

For example, the suretyship (which has only protective functions) may also stimulate the debtor to fulfill obligations under its unwillingness to surety suffered property losses.

Because the function is the most important of all the criteria for the association of security agreements into one category, it should be unified.

Therefore in regard to security agreements should be recognized only a **protective function**.

The total legal characteristic of security agreements may be seeing in special subjective right (or special condition of subjective rights). This right can be achieved only in case of violation of the principal obligation. It provides an opportunity to satisfy the interests of the creditor through external to the main obligation of a separate source.

In addition, the idea of a special **security interest** deserves support and development [1, p. 11-12].

Such security interest is similar to an insurance interest on purpose. However, security agreement and insurance are different institutions, so these interests are not the same.

References:

1. William H. Lawrence, William H. Henning, R. Wilson Freyermuth. Understanding secured transactions. San Francisco, CA: LexisNexis, 2012.
2. Gongalo B.M. The doctrine of security of obligations. Moscow: Statut, 2004.
3. Weber H. Kreditsicherungsrecht. Moscow: Wolters Kluwer, 2009.
4. Rasskazova N.Y. Questions of the general theory of security of obligations // Pravovedenie. 2004. № 4.

**RESEARCH AND STUDYING OF REAL TRUE-LIFE STORIES
OF CITIZENS AS BASE FOR SUCCESSFUL EXPLANATION
OF THE COURSE OF CIVIL LAW**

¹V. Maximov

*1. PhD in Law, university lecturer at St. Petersburg University,
Russian Ministry of Internal Affairs*

Article is devoted to an introduction problem in an educational cycle of legal education of practical work with real problems of the population on the basis of legal clinics.

Keywords: lawyer, higher education, legal Clinic, legal education.

Образовательные учреждения, чья основная функция заключается в подготовке будущих специалистов в области права, в настоящее время ориентированы в первую очередь на изучение теоретической части и не уделяют достаточно внимания практическому обучению будущих юристов, в условиях современного динамично развивающегося общества.

ВУЗы, подготавливая и формируя свои программы подготовки и обучения специалистов, берут за основу в первую очередь полноту юридического образования и не обеспечивают достаточного количества "сырья", методов и способов, которые дают учащимся возможность приобретать практические профессиональные знания, навыки и умения.

Данная ориентированность университетского (академического) образования, как следствие, приводит соответственно к некой изолированности университетского юридического сообщества, которая не позволяет ему органично влиться в правоприменительную практику и, следовательно, не получить на первом этапе профессионального роста сотрудничество, которое могло бы обогатить студентов как будущих профессионалов и личностей, позволяя таким образом найти лучшие решения для многочисленных проблем в том числе и социальной несправедливости, от которых «задыхаются» многие государства.

Единственным исключением из этого правила является - "consultorios jundicos", то есть организации, которые приглашают к себе студентов выпускных курсов для прохождения практической правоприменительной стажировки. Эти организации предлагают безвозмездную услугу людям, которые не могут позволить себе платить

гонорары адвокатам и юристам, за оказанную им юридическую помощь. Таким образом, студенты получают уникальную возможность обучиться практическим навыкам будущей профессии: как примирить спорящие стороны, подготовить и проверить проекты документов, отследить и контролировать порядок той или иной юридически значимой процедуры и т.д.

Складывается общая закономерность, согласно которой выпускники юридических ВУЗов практически начинают изучать право только после получения диплома. Курс обучения в высшем учебном заведении длится 5 или 6 лет, в то время как профессиональная жизнь складывается десятилетиями. Но также нелепо полагать, что студент способен учиться и обучиться в столь короткий промежуток времени.

Кроме того, правоприменительная практическая деятельность не может являться сама по себе исключительным самодостаточным образовательным звеном, хотя юрист и должен уметь извлекать максимальную пользу из каждого профессионального случая. Вот почему ВУЗ должен рассматриваться как отправная точка длительного процесса изучения права и ни в коем случае как начало и окончание получения высшего юридического образования.

В настоящее время, на наш взгляд, возникла необходимость пересмотра действующих программ обучения с целью уделения большего внимания практическим навыкам и исследованиям. Причем преподаватель играет здесь важную роль как модератор предоставления проблематики и методологии обучения и исследования.

В соответствие с последними педагогическими тенденциями преподавательский состав в ВУЗе должен быть набран в большинстве своем из практических работников извне, проводить и осуществлять научно-исследовательскую деятельность.

При преподавании курса гражданского права преподаватель должен соотносить подачу теоретического курса в неразрывной связи с практикой и ее критическим анализом с тем, чтобы дать возможность студентам самостоятельно прийти к концептуально новым решениям сложившихся теоретических задач и проблем права.

Чтобы быть обогащающей, педагогике необходимо основываться на идеологическом плюрализме, толерантности и различных точках зрения. Целью педагогической деятельности в целом, на наш взгляд, является поощрение преподавателей и учащихся в их стремлении исследовать и изучать реальные практические жизненные ситуации. Таким образом, процесс обучения будет сочетать в себе совокупность элементов современной, реально сложившейся жизни общества и его историческую ретроспективу, позволяющую студенту понять причины и факторы проблем социума.

Юридическое образование в первую очередь должно развивать три основных навыка у своих учащихся: критическое мышление, новаторский дух и способность обеспечить решение конкретных жизненных проблем. Считаем, что в рамках юридического образования и с точки зрения педагогики, курс гражданского права является решающим фактором в подготовке специалистов в области прав человека, участия в демократических процессах и социального контроля.

Джереми Франк в своей статье "Why not a clinical lawyer school" (1930) впервые в США, кто высказался против традиционных методов преподавания права, дав тем самым возможность для рождения такому движению как "юридическая клиника", которая начала активно внедряться в деятельность университетов права США в 60-х годах. Он предложил юридическим факультетам перенять опыт у медицинских учебных заведений, которые располагают бесплатными клиниками и диспансерами, чтобы развивать базовое обучение студентов на реальных жизненных обстоятельствах, а не на сухой теории.

Первоначальный смысл понятия "клиническая деятельность" на факультетах права, в частности в США, имела двойное призвание - педагогический и социальный. Это структурное подразделение призвано подготовить студентов, помочь приобрести им практический опыт благодаря обслуживанию населения, находящегося в неблагоприятном положении. Большинство юридических клиник навсегда связаны с этой идеей социальной справедливости и направлены, как правило, на поддержание учебной деятельности Университета.

Знание гражданского права выходит далеко за рамки знания Гражданского кодекса РФ и постановлений Высших Судов, оно также включает в себя умение осознавать и интерпретировать современное состояние общества и государства. Оно тесно связано с этикой, политикой, экономикой.

Вот почему программа обучения студентов юридических факультетов ВУЗов должна иметь одной из своих составляющих изучение, критику и анализ реально сложившихся обстоятельств и уделять этому привилегированное место. Понимание основ гражданского права проходит насквозь через определение личных прав и субъективных обязанностей, взаимоотношения между ним и законом.

В американских университетах юридическая клиника представляет реальные случаи из практической деятельности для студентов юридических ВУЗов, чтобы те могли научиться их решать под руководством преподавателя-наставника.

В Центрах "реальный клиент - клиника" (*"live-client clinic"*) студент имеет дело с реальными клиентами (гражданами, юридическими ли-

цами) и учится на "живом" деле применять все полученные теоретические познания. Во время этого погружения в практическую деятельность учащийся может самостоятельно оценить себя и исправить свои ошибки.

Юридическая клиника позволяет на раннем этапе приобрести навыки, которые жизненно необходимы будущим юристам. Практика показала, что те студенты, которые имели опыт практического разрешения дел во время учебы и под контролем наставников имели наилучшую подготовку по сравнению с остальными выпускниками перед выходом в профессиональный мир.

Создание юридической клиники должно быть воспринято как элемент исследовательской деятельности, направленной на улучшение знания права или правового механизма, посредством изучения конкретных случаев. Мы находим этот же подход в клинических исследованиях, медицинских и клинических испытаниях. Не противопоставляясь «фундаментальным исследованиям», клинические исследования - это место встречи между академическими знаниями и юридической практикой.

Этот подход в рамках соотношения теоретических знаний и практического обучения обуславливает проведение качественного и количественного анализа правоприменительной практики, подпитывающего научные исследования, что предполагает соответствующие меры реагирования (правовые, политические экономические реформы и тд.).

Более того, в юридических клиниках формируются реальные акты с точки зрения использования результатов исследований в области права.

Основные цели этой деятельности предназначены как для демонстрации знаний и опыта ученых, так и результатов их исследований.

Таким образом, клиническая деятельность способствует развитию и распространению из исследовательской работы решений или применения практических мероприятий, направленных на улучшение ситуации или решение конкретной проблемы (в широком смысле). Она участвует в процессе социальных инноваций в том, что она направлена на преобразование новых знаний в социальные выгоды.

В конце концов, юридическая клиника дает возможность Университету трансляции и реализации навыков и знаний, полученных через обучение и научно-исследовательскую деятельность. Эта структура также играет роль форума для проверки теоретического мышления о возможностях и сфере применения права в качестве инструмента совершенствования социальной практики.

**ABOUT NEED OF MODERN THEORETICAL RECONSIDERATION
OF SUPERFITSY INSTITUTE WITHIN REFORM
OF THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

¹E. Yablochkina

*1. Graduate student, Russian Legal Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Russia*

The housing question remains actual throughout history of any state. Transformation of a social and economic system of the Russian Federation in the 90th of the XX century made cardinal changes not only to spheres of activity of society (economy, policy), but also changed outlook of people, convinced the legislator to follow a way of "revival" of unfairly forgotten mechanisms of regulation of the relations.

Keywords: housing right, dwelling, regulation.

Сегодня в Российской Федерации в целях намеченного плана реформы гражданского законодательства проводится деятельность, которая связана с внесением изменений в Гражданский кодекс РФ, а также наблюдается и само переосмысление значения и места ограниченных вещных прав на чужие вещи в жизни общества и правовой системе.

Существующие на современном этапе развития виды прав на чужие вещи, предусмотренные российским законодательством, не выдерживают критики как со стороны теории, так практическими потребностями граждан и юридических лиц в сфере строительства. Настоящие и потенциальные владельцы земельных участков лишены возможности установления вещных прав в отношении не принадлежащего им на праве собственности имущества, которые давно известны, востребованны и широко применяются, не только для жилищного строительства, в современных развитых странах (Германии, Франции), и даже закрепленных при реформировании законодательства о собственности конца XX столетия стран с постсоциалистическими режимами (Чехии, Болгарии).

Результатом несовершенный механизм правового регулирования и «кускового» заимствования положений доктрины права зарубежных стран относительно ограниченных вещных прав на земельные участки являет своим результатом существование в нашей стране большого количества неэффективно используемых земель, формирование высоких цен, и как следствие, отсутствие возможности рацио-

нального использования их в целях улучшения жилищных условий.

В соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства РФ и подготовленному проекту Федерального закона №47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предполагается изменить и расширить круг ограниченных вещных прав. Наряду с иными ограниченными вещными правами на земельные участки законодатель предлагает ввести право застройки.

Некоторые изменения Гражданского кодекса РФ, предложенные Законопроектом, к настоящему времени приняты и уже вступили в силу. Однако раздел, который посвящен вещным правам, не был выделен в отдельный проект и перспективы его рассмотрения, на сегодняшний день, пока не ясны. Но все, же анализ предусмотренной реформы системы вещных прав на чужое имущество с точки зрения законодательного видения решения сложившейся проблемы представляет научный интерес по изложенным ниже причинам.

Во-первых, право застройки неизвестно современному российскому законодательству. Строительство на чужом земельном участке с возможностью приобретения впоследствии права собственности на возведенное здание осуществляется в настоящее время на основании таких ограниченных вещных прав, как право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, а также на основании обязательственного права – аренды земельного участка, предоставленного для строительства. В случае принятия изменений в Гражданский кодекс РФ, право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком будут упразднены. Также, некоторыми, прежде всего практическими деятелями, занятыми в сфере строительства, высказывается предложение, о прекращении практики предоставления в аренду земельных участков из государственных и муниципальных земель в целях строительства с условием приобретения права собственности на возведенные здания лицом иным, чем собственник земельного участка. Поскольку в данном случае наблюдается конфликт интересов и возникает странная ситуация, когда арендатор в отношении земли обладает большим объемом прав, чем собственник. В результате указанной реформы, по замыслу законодателя, право застраивать чужой земельный участок, будет предоставляться только на основании права застройки, при этом право собственности на возведенное здание будет приобретаться собственником земли, что обеспечит поступательное движение в сторону реализации, так желаемой законодателем, теоретической кон-

цепции единого объекта недвижимости. На сегодняшний момент, как указано в Концепции, нет обоснованных экономических и правовых причин для закрепления в гражданском праве (имеется ввиду законодательное закрепление) понятия «единого объекта недвижимости» как единого объекта гражданских прав и объекта гражданского оборота. Но, это не означает, что юридически участок и здание, должны быть абсолютно обособлены и независимы друг от друга.

Во-вторых, не возникает сомнений по поводу того, что теория права, и законодательство вслед за ним, идут по пути создания специальных, отраслевых институтов, предназначенных для регулирования качественно-однородного типа общественных отношений. Целевое заимствование положений доктрины права зарубежных стран, в рамках данной работы – относительно ограниченных вещных прав, и именно права застройки, при правильном их толковании и встраивании в нашу систему, не может положительно не сказаться на развитии Российской Федерации. Именно поэтому, вновь вводимому праву будут присущи такие признаки как: узкоспециальное назначение; допущение изменения правообладателем свойств и качеств земельного участка; отчуждаемость и другие, немаловажные для сферы строительства.

В-третьих, в связи с изменением характера экономической деятельности, общественного строя, порядка распределения благ, трансформации сознания, сегодня приобретает особую значимость своевременное создание теоретической базы, которая на практике позволит максимально эффективно использовать новый, именно для современного российского права, институт застройки.

Целью последующих исследований в указанной области должен являться комплексный научно-теоретический анализ права застройки, как целевого гражданско-правового института, предусмотренного Концепцией развития гражданского законодательства, с учетом зарубежного опыта и современного состояния российской действительности.

В качестве приоритетных направлений исследования категории права суперфициарного типа, в гражданском праве России, необходимо выделить следующее:

- 1) конкретизация заимствованной юридической терминологии не только в рамках Концепции развития гражданского законодательства, но и в порядке встраивания права застройки в российскую доктрину права (на сегодняшний момент можно указать на узость определения, даже, несмотря на целевое назначение – при буквальном толковании представляет собой получение разрешения на строительство от собственника);

2)определение природы права, так как очевидно несомненное сближение с обязательственным правом, хотя изначально право застройки позиционируется, в Концепции, как ограниченное вещное право, необходимо определить его место в системе;

3)обоснование возможности рассмотрения права застройки как шага на пути к становлению (возрождению) модели единого объекта недвижимости в Российской Федерации;

4)анализ права суперфициарного типа, как целевого в сфере строительства;

5)формулирование принципов права, отвечающие его целевому назначению;

6)проведение аналогии со смежными, посредством которых осуществляется регулирование отношений в сфере строительства;

7)определение соотношения прав на земельный участок, и прав на строение, поскольку в современной науке высказывается мнение о придаточном характере прав на возводимое здание;

Построенное, таким образом, исследование позволит оценить значение права застройки, предлагаемого Законопроектом к внесению в Гражданский кодекс РФ, для современного гражданского оборота, определить его признаки и место в системе вещных прав, охарактеризовать его целевое назначение, а также возможную роль в построении модели единого объекта недвижимости, с учетом опыта регулирования подобных отношений, реализации этого механизма в зарубежных странах, и воплощении отдельных положений в доктрине современного гражданского права.

References:

- 1.Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. II. Кн. 3./Барон Ю. - М., 1898, - С. 743.
- 2.Гримм Д. Полный перевод латинских слов и цитат из догмы римского права / Гримм Д. - М.: Рипол Классик, 2014 – С. 43.
- 3.Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве / Копылов А.В. - М.: Статут, 2000 – С. 75.
- 4.Краснокутский В.А. Римское частное право: учебник / Краснокутский В.А. - Wolters Kluwer Russia, 2010 – С. 264.
- 5.Пиляева В. Словарь по римскому праву / Пиляева В. - Litres., 2014, - С. 521.

**DEVELOPMENT OF PLEDGE OF GOODS IN THE TURN IN THE
CONDITIONS OF REFORMING OF THE CIVIL
LEGISLATION OF RUSSIA**

¹M. Gareev

*1. Graduate student, Russian Legal Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Russia*

Pledge of goods in a turn acts as one of the most important measures of providing performance of obligations arising at registration of the credit legal relationship arising between banks and commercial legal entities.

Keywords: pledge, civil law, regulation.

Залог товаров в обороте выступает в качестве одной из важнейших мер обеспечения исполнения обязательств, возникающих при оформлении кредитных правоотношений возникающих между банками и коммерческими юридическими лицами.

Законодательное определение залога товаров в обороте содержится в ч.1 ст. 357 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»): «Залогом товаров в обороте признается залог товаров с оставлением их у залогодателя и с предоставлением залогодателю права изменять состав и натуральную форму заложенного имущества (товарных запасов, сырья, материалов, полуфабрикатов, готовой продукции и т.п.) при условии, что их общая стоимость не становится меньше указанной в договоре залога» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. № 32. – Ст. 3301].

С недавних пор, параграф 3 главы 23 ГК РФ был условно разделен на два подраздела: общие положения о залоге и отдельные виды залога. Нормы о залоге товаров в обороте открывают собой подраздел, посвященный отдельным видам залога. На наш взгляд, законодатель, таким образом, решил подчеркнуть особенность залога товаров в обороте, благодаря которым, он не вписывается в привычные рамки представлений о залоговых правоотношениях.

Характерные черты залога товаров в обороте раскрываются в его определении, к ним относятся:

1) отсутствие строго определенного предмета залога, иными словами заложенного имущества, поскольку он подвержен постоянному изменению своего состава и натуральной формы. Рассматриваемая

особенность, связана с характером деятельности залогодателя – предпринимателя, использующего заложенное сырье и материалы для создания новых вещей, а также реализующего готовую продукцию.

2) залогодателю предоставлено право отчуждения заложенных товаров без получения на то согласия со стороны залогодержателя.

Одним из приоритетных направлений развития Российской Федерации является поддержка малого и среднего предпринимательства. Об этом, свидетельствует принятая Постановлением Правительства РФ, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [Распоряжение Правительства РФ «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» от 17.11.2008 № 1662-р // СЗ РФ. – 2008. - № 47. – Ст. 5489].

Залог товаров в обороте позволяет юридическому лицу брать заемные средства в самый тяжелый для любой организации период – период начала осуществления предпринимательской деятельности. В данный отрезок времени, уставный капитал и общая балансовая стоимость имущества предприятия находятся на минимальном уровне. Следовательно, вновь создаваемая организация не имеет возможности получить заемные денежные средства на дальнейшее развитие организации, заложив какое-либо имущество. Единственно приемлемым вариантом, становится залог ресурсов или готовой продукции. При этом стоит оговориться, что данный вид залога подходит не всем юридическим лицам, а только тем из них, которые относятся к производственно-промышленному комплексу.

Вышесказанное, позволяет сделать вывод о роли залога товаров в обороте, как одного из важнейших государственных инструментов, направленного на поддержку развития частной предпринимательской деятельности в России.

Несмотря на это, развитие норм о залоге товаров в обороте в России, выглядит не так безоблачно, как может показаться на первый взгляд.

Первый момент, на котором стоит заострить свое внимание, это система норм направленных на его урегулирование. Каким бы абсурдным это не казалось, залог товаров в обороте с недавнего времени регулируется лишь вышеупомянутой статьей 357 ГК РФ. Данная ситуация сложилась с 1 июля 2014 года, когда утратил свою силу Закон РФ «О залоге» [Закон РФ от 29.15.1992 № 2872-1 «О залоге» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 23. – Ст. 1239]. В нем содержалось три статьи, одна из которых содержала в себе подробное описание условий, которые должны были быть отражены в договоре

залога товаров в обороте. И хотя сложившаяся за годы действия Закона практика рассмотрения дел арбитражными судами, относилась к ней как к норме носящей необязательный, скорее рекомендательный характер, следует указать, что со стороны законодателя были созданы некоторые условия для урегулирования рассматриваемых правоотношений.

Самым негативным аспектом утраты силы Закона РФ «О залоге», является то обстоятельство, что нормы, содержащиеся в нем, не были перенесены в новую редакцию ГК РФ. Таким образом, следует говорить о том, что законодатель без каких-либо внятных оснований самоустранился от регулирования данных отношений, оставив их, по всей видимости, на откуп судов. Еще более удивительным, факт скудности правового регламентирования, выглядит на фоне масштабных изменений коснувшихся не только института залога, но и всего гражданского законодательства в целом.

Следующее, на что следует обратить внимание, это сложная экономическая обстановка сложившаяся в России.

С 16 декабря 2014 года Центробанк Российской Федерации в целях ограничения инфляционных и девальвационных рисков повысил ключевую ставку с 10,5% до 17%. Все это происходило на фоне сильного ослабления рубля.

Повышение ключевой ставки напрямую повлияет на уровень процентных ставок по банковским кредитам, поскольку вырастет стоимость займов, которые коммерческие банки берут у ЦБ РФ. Таким образом, уже сейчас можно спрогнозировать падение общего числа вновь регистрируемых предприятий, что соответственно приведет к снижению уровня использования договора залога товаров в обороте, как меры обеспечения по кредитным обязательствам.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это появление в ГК РФ с 01 января 2015 года условно называемого «тотального залога». Норма, содержащаяся в абзаце 2 ч.2. ст. 339 ГК РФ, позволяет заключить договор залога, залогодателем, в котором выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, определив в нем предмет, путем указания на залог всего имущества залогодателя или определенной части его имущества либо на залог имущества определенных рода или вида.

Можно предположить, что это приведет к смешению тотального залога и залога товаров в обороте. Конфликт начинается уже на уровне правового регулирования, оба договора имеют схожий предмет и совпадают по субъектному составу.

Исходя из буквальной трактовки нормы статьи 339 ГК РФ, следует говорить о том, что закон, определяет предмет тотального залога на-

столько расплывчато, что фактически создает условия для включения в его предмет, неограниченного числа видов объектов гражданского оборота, в том числе и товаров в обороте и переработке.

Кроме того, оба договора совпадают по субъектному составу, поскольку в качестве залогодателя выступает – юридическое лицо, занимающиеся предпринимательской деятельностью.

Таким образом, пока отсутствуют какие-либо разъяснения со стороны компетентных органов и не выработана судебная практика, тотальный залог видится нам, как новый вид залога, который может заменить собой залог товаров в обороте. В связи с чем, возникает логичный вопрос о необходимости дальнейшего существования залога товаров в обороте и переработке. Поэтому возникают серьезные опасения по поводу дальнейшего сосуществования этих видов залога.

Можно предположить, что имеющиеся на сегодняшний день проблемы регулирования и применения организациями в своей хозяйственной деятельности договора залога товаров в обороте, будут тормозить развитие данного вида залога и в будущем. Абсолютно каждая из рассмотренных нами проблем, касается изменений, произошедших за последние полгода, это и реформирование гражданского законодательства, и усложнившаяся экономическая ситуация.

Все вышесказанное, подтверждает тезис о необходимости дальнейшего развития правового регулирования и теоретического изучения залога товаров в обороте.

References:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. № 32. – Ст. 3301.
2. Закон РФ от 29.15.1992 № 2872-1 «О залоге» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. № 23. – Ст. 1239.
3. Распоряжение Правительства РФ «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» от 17.11.2008 № 1662-р // СЗ РФ. – 2008. - № 47. – Ст. 5489.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

PREGNANCY CONDITION AS THE FACTOR OF INFLUENCE ON A CRIMINAL LIABILITY

¹K. Dyadyun

1. Candidate of Law, Assistant Professor, Department of Criminal Law, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (VB RCA), Russia

In given article the account of a condition of pregnancy at a criminal liability regulation is analyzed. The author has studied the legislative approach of the various states in the given sphere in a foreshortening of realization of the purposes, problems and principles of creation of corresponding norms and appointments of fair and well-founded punishment. Within the limits of article author's conclusions and recommendations about leveling of the revealed lacks and to perfection legislative and application in the considered area are offered.

Keywords: pregnancy condition; criminal liability; delay of serving of punishment; legislation of foreign countries; murder by mother of the newborn child; illegal manufacture of abortion; unreasonable refusal in reception for work / unreasonable dismissal; softening and aggravating circumstance.

Состояние беременности оказывает существенное влияние не только физиологического, но и психоэмоционального плана, что в свою очередь обуславливает и поведенческие изменения. В то же время беременная женщина более уязвима для совершения в отношении нее преступных посягательств, которые причиняют «двойной» вред: не только интересам матери, но и будущего ребенка. В рамках реализации уголовной ответственности очень важно соблюдать баланс между гуманным отношением к женщине, совершившей преступление в состоянии беременности, и назначением справедливого наказания. Также необходимо адекватным образом учитывать в уголовно-правовых нормах общественную опасность преступления в отношении беременной женщины.

Анализ уголовного законодательства позволяет выявить следующие аспекты учета состояния беременности:

- В качестве обстоятельства, смягчающего наказание;
- В качестве обстоятельства, отягчающего наказание;
- Как основание предоставления отсрочки отбывания наказания;
- Как критерий неприменения отдельных видов наказания;
- В качестве квалифицирующего признака ряда составов;
- Как привилегирующий признак (убийство матерью новорожденного ребенка);
- В качестве признака потерпевшего лица (незаконное производство аборта);
- Как критерий необоснованного увольнения/отказа в приеме на работу.

Следует отметить, что позиции законодателей различных стран в исследуемом вопросе зачастую существенно отличаются, характеризуются неоднозначностью толкования и применения соответствующих норм, а иногда могут повлечь результат, противоположный целям создания правовых установлений.

Так, в соответствии с УК РФ состояние беременности как обстоятельство, смягчающее наказание, применяется независимо от его взаимосвязи с совершенным преступлением и вообще наличия данного состояния в момент осуществления преступного деяния [2]. Такой подход на практике зачастую нивелирует возможность назначения справедливого наказания, влечет злоупотребления со стороны виновных лиц. Следует отметить, что возможность смягчения наказания на основании учета рассматриваемого фактора в большинстве стран СНГ (Кыргызия; Беларусь; Узбекистан; Армения; Азербайджан; Украина) [1] взаимосвязана со временем совершения преступления: «совершение преступления беременной женщиной/ женщиной в состоянии беременности». При таком подходе адекватно сочетаются гуманное отношение к будущей матери и ребенку и возможность назначения целесообразного наказания. Смягчение наказания на основании состояния беременности по уголовному законодательству Молдовы возможно только в силу расширительного толкования соответствующего перечня.

Примечательно, что в зарубежных странах отсутствует единообразный подход к влиянию состояния беременности на пределы уголовной ответственности. Условно можно выделить три основных позиции [3]:

- В уголовном кодексе вообще отсутствует перечень обстоятельств, смягчающих наказание, решение в каждом конкретном случае при-

нимается по усмотрению судьи (Бельгия, Болгария, Венгрия, Голландия, Польша, Франция, Швейцария);

- Состояние беременности как фактор, влияющий на снижение меры наказания, в соответствующем перечне отдельно не упоминается, но может быть применен в силу открытости перечня (Австрия, Греция, Италия, Испания, Португалия, Румыния, Чехия, КНР, Япония, Аргентина, Израиль, Турция);

- Возможность смягчения наказания для беременной женщины увязывается со временем совершения преступления (Латвия; Эстония; ряд стран СНГ).

Представляется обоснованной открытость перечня смягчающих обстоятельств и увязывание снижения пределов уголовной ответственности с наличием особого психофизиологического состояния женщины в момент совершения преступного деяния.

Что касается ужесточения ответственности за совершение преступления в отношении беременной женщины, уголовные кодексы всех стран СНГ содержат идентичную формулировку обстоятельства, отягчающего наказание: «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» [1]. Следует подчеркнуть указание на критерий заведомости означенного состояния для виновного. Такой подход абсолютно обоснован и обусловлен требованиями принципа вины. В то же время законодатель стран СНГ устанавливает закрытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, и запрет повторного учета соответствующего обстоятельства при его наличии в статье Особенной части УК. При этом все возможные вариации совершения преступления в отношении заведомо беременной женщины учтены в рамках квалифицирующих признаков конкретных составов. Таким образом, учет рассматриваемого обстоятельства при ужесточении ответственности невозможен. Непоследовательность законодательного подхода превращает анализируемый фактор в «мертвую» конструкцию.

Относительно позиции законодателя других зарубежных стран единообразный подход в исследуемом вопросе вообще отсутствует. Так, в соответствии с УК КНР и Японии беременность потерпевшей, как фактор, влияющий на ужесточение наказания, отдельно не упоминается, но может подлежать учету при определении пределов наказания. В ряде европейских стран перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, вообще не закреплен (Испания, Франция, Израиль, Польша, Швеция) [3]. УК Болгарии отдельно не регламентирует совершение преступления в отношении беременной женщины в качестве фактора, отягчающего наказание, но предусматривает невозможность повторного учета отягчающего обстоятельства и за-

крытость соответствующего перечня. При таком подходе ужесточение ответственности в рассматриваемых обстоятельствах также фактически невозможно. УК Эстонии не закрепляет указанных ограничений применения обстоятельств, влияющих на пределы ответственности, но и не регламентирует отдельно значение состояния беременности в указанном ракурсе. Тем не менее, такая позиция позволяет ужесточать наказание за преступление, совершенное в отношении беременной женщины. Уголовное законодательство Латвии и Литвы поддерживает в рассматриваемом вопросе позицию стран СНГ, соответственно, обладает теми же недостатками.

Представляется необходимым и целесообразным во избежание означенных сложностей и для полноценной реализации целей и задач уголовного закона установить открытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, и предусмотреть возможность учета степени выраженности конкретного отягчающего обстоятельства при избрании меры наказания.

Следующим значимым вопросом в свете рассматриваемой темы является институт отсрочки отбывания наказания. Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что данный институт, обусловленный учетом репродуктивных факторов (в частности состояния беременности), присутствует в уголовном законодательстве всех стран СНГ за исключением Узбекистана. Также следует отметить, что в некоторых государствах предоставление отсрочки взаимосвязано с дополнительными условиями. Так, по УК Украины при применении анализируемого института устанавливается испытательный срок с возложением дополнительных обязанностей (не выезжать за пределы страны на постоянное проживание без разрешения уголовно-исполнительной инспекции; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или заболевания, представляющего опасность для здоровья других лиц и др.). УК Таджикистана и Беларуси в качестве условия предоставления отсрочки указывают наличие у осужденной семьи или родственников, давших согласие на совместное с нею проживание/ наличие возможности самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка. По уголовному кодексу Казахстана беременным женщинам отсрочка может быть предоставлена на срок до одного года [1]. Означенные аспекты представляются вполне обоснованными. Так, видится целесообразным в интересах ребенка не предоставлять отсрочку отбывания наказания осужденным, не прошедшим курса лечения от вышеозначенных заболеваний. Также значимо и наличие у осужденной определенных условий для надлежащего воспитания и содержания ребенка. Институт отсрочки обусловлен в первую очередь именно защитой интересов ребенка.

Кроме того, гуманизм в этой сфере не должен быть чрезмерным, нивелирующим цели и задачи уголовного наказания. А потому вполне обоснованно устанавливать определенные рамки реализации соответствующего института.

Что касается подхода законодателя зарубежных стран в исследуемом вопросе, можно отметить следующее. Ряд государств вообще не рассматривает репродуктивные особенности субъекта в качестве основания предоставления отсрочки. Например, УК Литвы как основание отсрочки закрепляет объективные факторы: вид и размер наказания, категорию совершенного преступления, форму вины; также предусматривается выполнение дополнительных условий (возмещение причиненного вреда; принесение извинений; обязанность трудоустроиться/начать учиться и т.д.). Подобный подход закрепляется и в УК Польши. УК Эстонии предусматривает возможность отсрочки с возложением дополнительных обязанностей только для военнослужащих. В уголовном законодательстве Латвийской республики и Болгарии вообще отсутствуют подобные нормы. Уголовное законодательство Израиля предусматривает общую возможность предоставления отсрочки, не увязанную конкретно с репродуктивными особенностями лица [3]. В большинстве европейских государств возможность отсрочки отбывания наказания – разновидность условного осуждения, применение которой не зависит от репродуктивных факторов.

Исходя из изложенного, следует отметить, что возможность применения отсрочки отбывания наказания, обусловленная требованиями охраны репродуктивной сферы, вполне целесообразна при условии законодательного закрепления условий, направленных на обеспечение соответствующих целей и задач.

Перечни наказаний стран СНГ схожи и по видам и по содержанию. Тем не менее, учет состояния беременности реализован в них по-разному. Так, наиболее «гуманны» в этом отношении РФ и Беларусь, предусматривающие неприменение наибольшего количества видов наказаний с учетом репродуктивных факторов.

Так, практически во всех уголовных кодексах (кроме Узбекистана) содержится такой вид наказания как обязательные (общественные) работы и устанавливаются ограничения в его применении в отношении беременной женщины. В отношении исправительных работ в законодательстве Азербайджана, Казахстана и Армении не установлено ограничений, обусловленных репродуктивными аспектами, что вполне объяснимо исходя из содержания указанной меры, не оказывающего существенного влияния на охрану репродуктивной сферы. В УК Молдовы вообще отсутствует такой вид наказания. УК РФ, Таджики-

стана, Беларуси, Узбекистана, Украины и Кыргызии закрепляет ограничения в применении для беременных женщин [1].

Арест как вид наказания присутствует в УК России, Украины, Беларуси, Узбекистана и Армении, однако ограничения в его применении, обусловленные репродуктивными особенностями – различны. Так, уголовный кодекс Узбекистана вообще не предусматривает соответствующих оснований неприменения ареста. Общей чертой законодательного подхода к регулированию рассматриваемого вопроса в других государствах является установление запрета на назначение данного вида наказания в отношении беременных женщин, что обусловлено содержательными особенностями ареста, так как помещение будущей матери в достаточно жесткие условия отбывания данного вида наказания может отрицательно сказаться на здоровье ребенка.

Смертная казнь как вид наказания присутствует в настоящее время в УК РФ, Таджикистана, Беларуси и Казахстана, при этом смертная казнь не применяется к женщинам вообще. Хотя такой подход не обусловлен ни положениями международных документов, ни требованиями охраны репродуктивной сферы, и в целом противоречит целям и задачам уголовного законодательства. Гуманизм в данной области обоснован исходя из вышеозначенных позиций только в отношении беременной женщины. Аналогичные недостатки закреплены в уголовном законодательстве РФ, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызии, Беларуси, Казахстана, Молдовы и Узбекистана в отношении пожизненного лишения свободы: данный вид наказания не применяется к женщинам вообще, вне зависимости от характеристик совершенного деяния, личности виновной и т.п. Более последователен и адекватен в этом отношении законодатель Армении и Украины, устанавливающий соответствующее ограничение только в отношении женщин, находившихся в состоянии беременности в момент совершения преступления/ на момент вынесения приговора. Такой подход обоснован и с точки зрения основополагающих принципов уголовного закона и международных стандартов в области защиты прав и свобод человека. Кроме того, указанная законодательная позиция подчеркивает специфику охраны именно репродуктивных факторов.

Законодатель прибалтийских стран закрепляет в рассматриваемом вопросе более жесткую позицию. Единственный вид наказания в отношении которого имеются ограничения применения для беременных женщин – арест (Латвия, Литва). Уголовное законодательство Эстонии вообще не предусматривает состояния беременности в качестве критерия, влияющего на назначение наказания.

В ряде европейских стран также отсутствует специальный подход к назначению наказания в зависимости от репродуктивных факторов (Польша, Швеция, Франция, ФРГ). Однако следует отметить, что такая позиция во многом обусловлена закрепленной системой наказаний и наличием у суда права смягчения наказания с учетом конкретных обстоятельств дела.

В США и КНР к беременным женщинам не применяется смертная казнь, в Болгарии – пожизненное лишение свободы. Следует отметить, что такой подход гораздо более целесообразен и направлен на защиту репродуктивных интересов, чем неприменение таких видов наказания к женщинам вообще. УК Японии и Израиля отдельно не регламентирует состояние беременности в качестве фактора, влияющего на вид и размер наказания [3].

Представляется, что некоторые «льготы» относительно назначения наказания для беременных женщин вполне целесообразны в целях обеспечения интересов ребенка, однако при этом не следует забывать об ограничении спектра наказаний и его последствиях, а также об обеспечении справедливого и обоснованного наказания для виновных лиц.

Далее целесообразно рассмотреть вопрос о регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка. Привилегированность данного состава обусловлена именно учетом влияния беременности на психоэмоциональное состояние женщины. Тем не менее, законодательный подход к регулированию данного вопроса в различных странах индивидуализирован. Представляется, диспозиция соответствующей нормы должна содержать акцент именно на взаимовлиянии психофизиологического состояния женщины, обусловленного процессами беременности, родов и совершения данного преступления. Только при таком подходе возможно обеспечение целей и задач создания подобной нормы и смягчения ответственности. Тем не менее, означенная конкретизация признаков присутствует далеко не во всех уголовных кодексах, что на практике может привести к необоснованному смягчению наказания. Так, обозначенный критерий в СНГ присутствует только в УК Таджикистана, Беларуси и Молдовы. Также, во многих уголовных кодексах стран СНГ подчеркивается критерий убийства матерью *своего* новорожденного ребенка (Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Азербайджан, Украина, Узбекистан) [1]. Такой подход с одной стороны упрощает содержание вопроса относительно субъекта данного преступления, с другой – усложняет его, например, в случаях совершения рассматриваемого преступления суррогатной матерью при наличии соответствующих признаков объективной стороны состава. В отдельных кодексах при-

существует и оригинальный подход к названию данного преступления. Например, в УК Республики Молдова рассматриваемое общественно опасное деяние обозначено как «детоубийство». Такой подход представляется не совсем верным, поскольку любое убийство новорожденного ребенка есть детоубийство, но не наоборот.

Особое психофизиологическое состояние женщины как критерий смягчения наказания предусмотрен в УК Латвии и Литвы. УК Эстонии и Болгарии не акцентирует внимание на означенном факторе, что чревато необоснованным смягчением ответственности. Ряд государств особо подчеркивает обусловленность рассматриваемого преступления соответствующими психоэмоциональными отклонениями как основание привилегированности конкретного состава (Дания, Швеция, Польша, Израиль). В некоторых странах означенные факторы не рассматриваются в качестве привилегующего обстоятельства (ФРГ, Испания, Япония, КНР). В США подобное деяние вообще расценивается как преступление с отягчающими обстоятельствами [3].

Смягчение ответственности за рассматриваемое преступное деяние обоснованно и целесообразно только в случае его обусловленности особым психофизиологическим состоянием женщины, что требует соответствующего закрепления в конкретной уголовно-правовой норме во избежание проблем толкования и правоприменения. В иных случаях подобные деяния следует расценивать как совершенные при наличии отягчающих обстоятельств.

Следующим важным вопросом в свете рассматриваемой темы является регламентация ответственности за незаконное производство аборта. Следует отметить, что наименее адекватна в этом плане позиция российского законодателя, согласно которой единственным криминообразующим признаком данного общественно опасного деяния выступает отсутствие у субъекта высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой подход не учитывает ни требования соответствующих медицинских актов, ни практические аспекты данного преступного деяния, ни требования основополагающих принципов уголовного законодательства. Кроме того, во всех уголовных кодексах стран СНГ более обоснованно регламентированы признаки рассматриваемого преступления. Так, в большинстве случаев дифференцирована ответственность с учетом признаков субъекта (Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Армения) [1]. В УК Молдовы закреплены критерии незаконности аборта, основанные на требованиях медицинского законодательства. Уголовное законодательство Латвии и Литвы также достаточно последовательно и адекватно регламентирует ответствен-

ность за рассматриваемое преступное деяние: в качестве криминообразующих признаков устанавливается производство аборта вне спец.медицинского учреждения, при наличии противопоказаний. Отягчающими признаками являются: отсутствие согласия женщины, отсутствие соответствующих правомочий у субъекта, производство операции в антисанитарных условиях, наступление тяжких последствий.

УК КНР и Японии в качестве криминообразующих признаков криминального аборта закрепляют самовольное производство данной операции, отсутствие у субъекта надлежащей квалификации.

Позиция законодателя скандинавских стран в этом вопросе весьма лояльна. Так, УК Швеции вообще не предусматривает ответственности за незаконный аборт. УК Дании регламентирует наказание за неоказание помощи беременной женщине для отца/родственников ребенка. УК Норвегии к криминообразующим признакам анализируемого состава относит отсутствие законных оснований/ разрешения. Обстоятельствами, отягчающими ответственность, являются: повторность деяния; цель получения выгоды; отсутствие согласия женщины и ее смерть в результате произведенной операции.

В большинстве европейских государств при регламентации ответственности за незаконное производство аборта также учитываются медицинские аспекты незаконности данной операции: срок беременности; ненадлежащие условия проведения операции; опасность для здоровья женщины; производство аборта вне надлежащего медицинского учреждения (Австрия, Бельгия, Болгария. Голландия, Польша Франция) [3].

Разумеется, уголовно-правовой подход в данном вопросе обусловлен общей политикой государства. В этом смысле все государства можно разделить на три группы:

- полное запрещение аборта (Афганистан, Ангола, Бангладеш, Венесуэлла, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Колумбия);
- разрешение аборт по специальным показаниям (Алжир, Англия, Аргентина. Израиль, Индия, Испания, Португалия, Мексика, Польша, Финляндия, Япония);
- свобода аборта (СНГ, Австралия, Бельгия, Болгария. Венгрия, Вьетнам, Германия, Италия, Канада, Франция, Швеция).

Следует отметить, что в регулировании данного вопроса необходимо учитывать традиции страны и менталитет граждан, однако, как показывает практика, полный запрет искусственного прерывания беременности влечет негативные последствия: увеличение числа криминальных аборт, высокую смертность, убийства матерью новорожденного ребенка. Более обоснованным и целесообразным

представляется надлежащее правовое регулирование производства данной операции и установление адекватного наказания за нарушение установленных правил. При этом, учитывая специфику вопроса, при регламентации уголовной ответственности следует исходить из медицинских критериев и практики.

Следующий специальный состав, учитывающий состояние беременности, - необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное увольнение по соответствующему основанию. Отдельная ответственность за указанное преступное деяние установлена в пяти из десяти странах СНГ (РФ, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Армения) [1]. Ряд государств вообще не рассматривает дискриминацию в трудовой сфере как уголовно-наказуемое деяние (Израиль, Швеция). В уголовном законодательстве большинства стран в настоящее время регламентируется ответственность за общее нарушение трудовых прав без конкретизации личностных критериев (Грузия, Испания, Болгария, Польша) [3].

Представляется, что наличие в уголовном кодексе специальной нормы, обусловленной необходимостью особой защиты материнства и детства, - плюс, при условии адекватной регламентации криминообразующих признаков и установления соответствующей санкции. Например, действующий УК РФ в указанных аспектах несовершенно: некорректная формулировка диспозиции затрудняет применение соответствующей нормы, а санкция закрепляет более лояльный подход относительно общей нормы о дискриминации в сфере трудовых отношений.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что в уголовном законодательстве большинства современных государств предусмотрен учет состояния беременности в качестве фактора, влияющего на пределы ответственности. Такой подход представляется вполне обоснованным исходя из необходимости особой защиты соответствующих интересов. В то же время несовершенства формулировок зачастую влекут сложности толкования и, как следствие, реализации конкретных законодательных положений. В результате цели и задачи, обусловившие включение соответствующих аспектов в уголовный закон, искажаются и могут приводить к диаметрально противоположным результатам. Во избежание данной проблемы необходимо закрепление взвешенного подхода к беременной женщине как объекту уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия. Т.е. состояние беременности виновной не должно обуславливать чрезмерный гуманизм при нивелировании принципов, целей и задач уголовного наказания, а специальная регламентация деяний, причиняющих вред означенным интересам, должна учитывать и обосно-

ванно отображать специальные критерии во избежание правоприменительных сложностей. При таком подходе возможна последовательная реализация и адекватная защита соответствующих интересов, гармонично сочетающаяся с назначением справедливого и обоснованного наказания.

References:

1. Уголовное законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.online.zakon.kz/continent/ (Дата обращения: 10.10.2014).
2. Уголовный кодекс РФ. – М., 2014. – 224 с.
3. Уголовное право зарубежных стран. – М., 2008. – 352 с.

RESPONSIBILITY FOR SALE OF ALCOHOLIC PRODUCTS BY THE MINOR IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

¹M. Telyatnikova

*1. Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology,
Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin*

The article deals with basic provisions of liability for alcoholic beverages sale to minors in Russian Federation and other countries.

Keywords: minor, teenager, alcoholic beverages, sale, consumption. liability.

Потребление алкоголя подростками в раннем возрасте вызывает серьезную обеспокоенность во многих странах.

В связи с этим государства вырабатывают ряд мер, в том числе ограничивающих и (или) запрещающих продажу алкогольной продукции лицам, не достигшим определенного возраста.

При этом одни страны считают, что бороться с продажей алкоголя несовершеннолетним возможно только на уголовно-правовом уровне, а другие – полагают достаточным применение мер административного воздействия.

В США употребление алкогольных напитков лицам разрешено только с 21 года. В США отсутствует единая кодифицированная система норм, позволяющая регулировать тот или иной вопрос во всех штатах. А это означает, что каждый штат может принимать свои законы, устанавливающие ответственность за продажу алкогольной продукции подросткам. При этом они не могут противоречить и нарушать единых положений законодательства США.

Так, например, в штате Техас существует кодекс «алкогольных напитков», в котором несовершеннолетним посвящен целый раздел. Более того преступным деянием по этому закону является не только продажа алкоголя подростку, но и покупка самим несовершеннолетним алкогольной продукции.

В статье 106.2 указанного выше кодекса сказано: «несовершеннолетние совершают преступление, если покупают алкоголь». При этом несовершеннолетнему в качестве наказания может быть назначен штраф или его могут лишить свободы на определенный срок.

В статье 106.03 говорится: «Лицо совершает преступление, если в преступной халатности продает алкогольный напиток несовершенно-

летнему... Не является преступлением, если лицо алкогольный напиток продан несовершеннолетнему лицу, который ложно представил себя за 21-летнего». [5]

Швеция прославилась очень строгим отношением не только к продаже алкоголя, но и к его потреблению.

Покупка алкогольной продукции в Швеции затруднена. Во-первых, государство обладает монополией на розничную продажу алкогольной продукции, поэтому алкогольные напитки можно приобрести только в специализированном магазине «Systembolaget», который осуществляет продажу алкоголя крепостью более 3,5%, во-вторых, цены на него очень высокие.

В магазинах запрещена продажа алкогольной продукции лицам, не достигшим 20 лет.

За нарушение запрета продажи алкогольных напитков несовершеннолетним предусмотрено наказание до 6 лет тюремного заключения.

В Эстонии вопросу об обороте алкогольной продукции отведен целый ряд правил и законов.

Несмотря на то, приобретение алкоголя в этой стране является легкодоступным, его распространение среди молодежи строго запрещено.

В Эстонии нельзя продавать алкогольные напитки лицам, не достигшим 18-летнего возраста. В противном случае лицо, продавшего алкоголь подростку, ждет тюремное заключение сроком до 1 года. [7, с. 5]

В Австрии борьба с потреблением алкогольной продукции несовершеннолетними также находит свое правовое закрепление и применение.

В соответствии с законом «Права молодежи Австрии» молодые люди считаются совершеннолетними по достижении ими 18-летнего возраста. Однако в отношении запрета, как на продажу, так и на приобретение алкогольной продукции, пределом является 16-летний возраст. Но и по достижении этой возрастной границы, рядом федеральных земель и городов Австрии вводятся ограничения на свободный доступ к алкоголю.

В Штирии, например, лицам, достигшим 16 лет, запрещено употреблять алкогольные напитки, содержащие более 14% алкоголя, в Каринтии – более 12% алкоголя, в Зальцбурге указанной выше категории несовершеннолетних запрещено приобретение бренди и подобных ему напитков, как в чистом, так и смешанном виде. [6]

В основном за продажу несовершеннолетним алкогольных напитков, подпадающих под запрет, установлена ответственность в виде

штрафа.

В соответствии с частью 2 статьи 193 Уголовного кодекса Болгарии «тот, кто продает лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста алкогольные напитки, наказывается штрафом или общественным порицанием; а при систематическом совершении этих действий – лишением свободы до 6 месяцев или штрафу в повышенном размере. [1, с. 86]

Статья 136 Уголовного кодекса Швейцарии обеспечивает уголовно-правовую защиту несовершеннолетних, устанавливая запрет передачи алкогольных напитков лицам, не достигшим 16 лет, которые могут угрожать его здоровью. Наказывается это деяние штрафом или тюремным заключением. [2]

Однако возникает вопрос, как определить количество алкоголя, которое может угрожать здоровью несовершеннолетнего? На наш взгляд, любое количество алкоголя наносит вред и без того несформировавшемуся организму подростка.

В ряде мусульманских стран употребление алкогольных напитков вообще запрещено всем категориям лиц, что объясняется особенностями религиозных убеждений. Это деяние является преступлением против Аллаха и запрещено Кораном. [7, с. 204]

В Российской Федерации запрет на продажу алкогольной продукции регулируется как нормами административного (ст. 14.16 Кодекса об административных правонарушениях), так и уголовного права (ст. 151.1 УК).

В статье 14.16 КоАП указано, что лицо, осуществляющее розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему, если это действие не содержит уголовно-наказуемого деяния, наказывается штрафом. Причем размер штрафа установлен в разных пределах. В зависимости от правового статуса субъекта правонарушения: для граждан сумма штрафа составляет от 30 000 до 50 000 рублей; для должностных лиц – от 100 000 до 200 000 рублей; для юридических лиц – от 300 000 до 500 000 рублей. [4]

Однако в связи с неэффективностью действующего административного законодательства, которая выражается в том, что каждое пятое преступление совершено несовершеннолетними, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, законодатель решил использовать меры уголовно-правового характера.

Употребление алкоголя способствует возникновению в поведении несовершеннолетних чрезмерной агрессии. Следствием потребления алкоголя подростками является возникновение искаженного смыслового восприятия и субъективной оценки ситуации как более опасной и угрожающей. Также влияние алкоголя на сознание человека, а

особенно несовершеннолетних, снижает защитные механизмы, которые способны снизить уровень субъективной оценки ситуации или препятствовать чрезмерному проявлению агрессии. [8, с. 116]

Статья 151.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за продажу алкогольной продукции только в случае ее повторности. Причем для признания деяния преступным необходимо наличие двух обязательных признаков объективной стороны: 1) субъект ранее уже совершал аналогичное деяние и был привлечен к административной ответственности, 2) лицо должно совершить продажу повторно в течение определенного периода времени, которое равно 180 дням после привлечения его к административной ответственности.

Наказывается такое деяние штрафом или исправительными работами. Помимо этого суд может в качестве дополнительного наказания лишить субъекта преступления права занимать определенную должность или заниматься определенным видом деятельности сроком до трех лет. [3]

Российская Федерация является участником различных международных Конвенций, между Россией и зарубежными государствами заключено несколько международных договоров, в том числе по защите прав детей.

В любом правовом государстве серьезное внимание уделяется интересам детей, проблемам их защиты и нормального развития.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что большинство зарубежных государств обеспечивает защиту несовершеннолетних от различного рода посягательств, в том числе от отрицательного воздействия алкоголя, как на организм подростка, так и на его поведение.

В зарубежных странах уже давно ведется пропаганда здорового образа жизни, особенно молодежи, в связи с чем установлена ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

Учитывая это, российский законодатель обоснованно усилил ответственность за продажу алкогольной продукции, криминализовав это деяние.

Статья 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации была помещена в главу 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», тем самым законодатель сделал акцент на защите интересов несовершеннолетних, охране их здоровья и предупреждении совершения ими возможных правонарушений или преступлений под воздействием алкогольного опьянения.

References:

1. Уголовный кодекс Болгарии / науч. ред. А.И. Лукашова. СПб.: «Юридический центр Пресс». 2001. (с учетом изменений SG 27/2009 стати 193). 298 с.
2. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М.: Зерцало. 2000. 138 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31 декабря 2001.
5. Texas Alcoholic Beverage commission [электронный ресурс] The Alcoholic Beverage Code Sections Referencing Minors // http://www.tabc.state.tx.us/laws/alcoholic_beverage_Code_referencing_minors.asp (дата обращения 20 декабря 2014 г.).
6. Австрийские законы [электронный ресурс] Права молодежи Австрии http://www.russianvienna.com/?id=389:1&Itemid=214&option=com_content&view=article (дата обращения 21 декабря 2014 г.).
7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона 21 июля 2011 года № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции и пива» // [электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». 5 с.
8. Есаков Г.А., Крылова А.Н., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран / Учебное пособие. М.: Проспект. 2009. 331 с.
9. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл. 2003. 301 с.

CRIMINAL PROCEDURE. TRACKING ACTIVITIES

INQUIRIES IN ABBREVIATED FORM IN THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE RUSSIA

¹E. Fomina

²E. Kalutsky

³I. Chebotareva

1. Student, Southwest State University, Russia.

2. Student, Southwest State University, Russia.

*3. PhD, Associate Professor, Deputy Head of Department
Southwest State University, Russia.*

The article discusses the topical issues of ensuring the rights of participants in criminal proceedings to the inquiry in abbreviated form.

Keywords: investigator, an inquiry into the reduced form, the accused, the suspect.

Предварительное расследование – это вторая стадия российского уголовного судопроизводства, которая является последней в досудебном производстве.

Данная стадия возникает с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Заканчивается после того, как орган расследования признает, что все следственные действия выполнены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, акта или постановления, составляется итоговый документ и после утверждения его прокурором уголовное дело поступает в суд, т.е. в судебное производство.

Это самая большая по срокам и количеству составляемых документов часть уголовно-процессуальной деятельности. Именно на этой стадии до суда решаются задачи, которые определяются задачами всего уголовного судопроизводства и вытекают из них. В ходе предварительного расследования выявляются и исследуются все обстоятельства, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого.

Органы расследования обязаны выявить причины и условия, спо-

собствующие совершению преступлений, в целях предупреждения их в дальнейшем. Предварительное расследование направлено также на своевременное принятие мер обеспечения возмещения материально-го ущерба, причиненного преступлением [1, с. 25].

На современном этапе развития Российской Федерации претерпевает интенсивное преобразование система уголовной юстиции. Серьезные изменения, в определенных случаях приводящие к появлению новых правовых институтов, происходят в сфере правового регулирования уголовного судопроизводства. К числу таких институтов относится дознание в сокращенной форме, которое было введено Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2, с. 137].

Анализ исследований по вопросу позволяет выделить следующие цели:

1) исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, необоснованного затягивания сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения.

2) упрощающей его порядок. Вместе с тем указанная новелла, как и любое другое изменение, вносимое в уголовно-процессуальное законодательство, направлена на оптимизацию его применения, устранение возникающих при этом ошибок, на усиление обеспеченности прав участников уголовного судопроизводства.

Согласно главе 32.1 УПК РФ инициатором производства дознания в сокращенной форме является подозреваемый. Основания и порядок заявления подозреваемым указанного ходатайства закреплены и регламентированы положениями статьи 226.4 УПК РФ. Так, прежде чем положительно решить вопрос о разъяснении подозреваемому права на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме дознавателю необходимо убедиться в наличии одновременно всех условий, перечень которых приведен в ч. 2 ст. 226.1, ст. 226.2 УПК РФ. Условиями для производства дознания следует считать совокупность документально подтвержденных фактических данных, указывающих на наличие оснований для производства дознания в сокращенной форме, а также отсутствие обстоятельств, исключающих данный порядок производства по уголовным делам. [3, с. 330]

Таким образом, еще до первого допроса лица в качестве подозреваемого дознавателю необходимо убедиться, что: уголовное дело возбуждено не по факту совершения преступления, а в отношении конкретного лица; уголовное дело подлежит расследованию в форме

дознания, а не предварительного следствия; подозреваемый полностью признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда и не оспаривает квалификацию инкриминируемого деяния, приведенного в постановлении о возбуждении уголовного дела; подозреваемый на момент совершения преступления достиг возраста 18 лет; подозреваемый вменяем и не страдает психическим расстройством, делающим невозможным назначение наказания или его исполнение; подозреваемый не относится к числу лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 447 УПК РФ); подозреваемый владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме.

Отсутствие хотя бы одного из вышеуказанных обстоятельств в силу ч. 2 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ исключает возможность заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, а, следовательно, освобождает дознавателя от необходимости разъяснения подозреваемому соответствующего права.

Положительное решение вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме, а следовательно, и о разъяснении подозреваемому права на заявление соответствующего ходатайства возможно лишь в случаях, когда уголовное дело (по мнению дознавателя) не представляет юридической сложности, а полученные в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении фактические данные не оставляют сомнений в совершении преступления конкретным лицом (подозреваемым).

Поскольку согласие потерпевшего является обязательным условием производства дознания в сокращенной форме, видится целесообразным вынесение постановления о признании потерпевшим и допрос потерпевшего до первого допроса подозреваемого.

Истребование согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме предполагает предварительное разъяснение ему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также права возражать против производства дознания в сокращенной форме и заявлять ходатайства о прекращении дознания в сокращенной форме в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату.

Определенные практические трудности могут возникнуть с решением вопроса о том, каким образом определить наличие (отсутствие) такого обязательного условия для производства дознания в сокращенной форме, а стало быть, и для разъяснения подозреваемому права на заявление соответствующего ходатайства как полное при-

знание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда и отсутствие возражений по квалификации инкриминируемого деяния, приведенного в постановлении о возбуждении уголовного дела. Как прямо указано в ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ, данные обстоятельства должны быть установлены еще до первого допроса подозреваемого. Единственной, на наш взгляд, альтернативой допросу в данном случае является получение объяснений. Причем такое обстоятельство, как наличие (отсутствие) возражений подозреваемого по поводу уголовно-правовой квалификации содеянного, приведенного в постановлении о возбуждении уголовного дела, очевидно, может быть установлено только после возбуждения уголовного дела. Поскольку в силу п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе давать не только показания, но и объяснения по поводу имеющегося в отношении него подозрения, то представляется целесообразным при выяснении вопроса о наличии (отсутствии) условий для производства дознания в сокращенной форме предварительно (до первого допроса) получать от подозреваемых объяснения, в которых и будут отражены вышеозначенные моменты. Однако, поскольку суды, как правило, не признают объяснения доказательствами, изложенные в них сведения в обязательном порядке должны быть отражены и в протоколе последующего допроса подозреваемого.

После того как будут установлены и документально подтверждены все без исключения условия для производства дознания в сокращенной форме, подозреваемому разъясняется право на заявление соответствующего ходатайства.

При разъяснении порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме дознавателю следует акцентировать внимание подозреваемого на целесообразности полного признания им своей вины, характера и размера причиненного вреда, поскольку в этом случае назначенное подсудимому наказание не превысит половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Однако, убеждая подозреваемого дать признательные показания, дознаватель должен быть уверен в совершении преступления данным лицом и это должно быть основано на конкретных фактически документально подтвержденных данных, полученных прежде всего в ходе проверки сообщения о преступлении. Сказанное актуализирует необходимость тщательного изучения материалов предварительной проверки и при необходимости проведения дополнительных проверочных и процессуальных действий, направленных на установление причастности конкретного лица (подозреваемого) к совершению пре-

ступления.

Поскольку в силу ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме обязательно подписывается также и его защитником, случаи производства дознания в сокращенной форме следует рассматривать как обязательного участия защитника. [4, с. 140]

Кроме того, ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме может быть заявлено подозреваемым не в любой момент производства по уголовному делу, как это указано в ч. 1 ст. 120 УПК РФ, а только в течение двух суток с момента разъяснения ему соответствующего права. Возможности продления срока заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме РФ не предусматривает.

Постановление об отказе в удовлетворении рассматриваемого ходатайства должно быть вынесено в случаях, когда возникло или стало известно дознавателю хотя бы одно из обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме.

Анализ упрощений, касающихся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, позволяет сделать вывод о том, что они привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому упрощать явление возможно в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности. [5, с. 209]

В итоге создается реальная угроза утраты судебной властью самостоятельности и независимости при рассмотрении и разрешении значительной части уголовных дел.

Таким образом, дознание в сокращенной форме имеет как множество плюсов, среди которых экономия процессуальных сроков для государственных органов и более мягкое наказание для обвиняемого. Но в тоже время имеются и минусы, такие как возможность самоговора подсудимым, с целью скрыть другое преступление или сокрытия других лиц причастных к совершению преступления; возможность каждой из сторон в любой момент отказаться от сокращенной формы, что повлечет потери времени и доказательной базы, так как в первые дни после совершения деяния, можно обнаружить гораздо больше следов преступления; это же касается сроков расследования, т. к. спешка в проведении расследования может быть сопряжена с грубыми процессуальными нарушениями и ущемлением прав участников уголовного судопроизводства. Поэтому данный вид предварительного расследования требует, как более строго надзора со стороны прокурора, так и необходимых законодательных изменений, на которые прокурор должен реагировать незамедлительно.

References:

1. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 22-27.
2. Горский В.В. Новый подход к доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: Акад. Следств. комитета РФ, 2014. – С. 136-140.
3. Добровлянина О.В. Дознание в сокращенной форме // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства. – М.: Статут, 2014. – С. 329-333.
4. Латфуллина И.Ф. К вопросу о дознании в сокращенной форме // Перспективы развития законодательства на современном этапе: сборник научных статей. – Димитровград, 2014. – С. 139-143.
5. Панаева Л.Е. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Современные проблемы юридической науки: Материалы X Международной научно-практической конференции молодых исследователей. – Челябинск: Цицеро, 2014. – С. 209-210.

THE USE OF OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE SEARCH FOR MISSING PERSONS

¹A. Volynets

1. Student, Law institute Saint Petersburg

Annually in Russia in the bodies police recorded a large number of applications of citizens about missing persons of different ages, from young to elderly. Law enforcement authorities shall take appropriate measures to search for missing persons, but not always, these measures are quite effective.

The purpose of this research: to identify ways and means of increasing the effectiveness of employees of internal Affairs bodies, aimed at the achievement result of the discovery of the missing person.

Keywords: missing persons (untraced), investigative activities (OSA), the operational-search activities (MPA), the Ministry of internal Affairs (MIA).

В Российской Федерации обязанности по организации и осуществлению поиска без вести пропавших лиц возложены на органы полиции, которая является составной частью централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. На полицию возложена обязанность принимать и регистрировать сообщения и заявления о происшествиях, к числу которых относится безвестное исчезновение граждан, в том числе и покидание несовершеннолетними специализированных учебных заведений [1].

Представляется, что в контексте обсуждаемых проблем следует исходить из того, что наиболее эффективным способом решать задачи поиска без вести пропавших имеют возможность те подразделения органов внутренних дел, которые осуществляют ОРД [2].

Но прежде, чем идти дальше, необходимо понять, что такое оперативно-розыскная деятельность. Прежде всего ОРД – это специальный вид юридической государственной деятельности. Специфика определяется особым видом деятельности, которую осуществляют специально уполномоченные лица, имеющие профессиональные знания и навыки в сфере осуществления ОРД, и психологически готовые осуществлять ее. Для того, чтобы определить понятие «юридическая деятельность» в контексте данного предложения, необходимо понимать, что юрист – это специалист по юридическим наукам, юридическим вопросам [3]. Следовательно, под «юридической деятельно-

стью» мы понимаем деятельность соотносимую с правом. А отнесение оперативно-розыскной деятельности к числу направлений государственной деятельности означает, что ОРД могут осуществлять только государственные органы, на которых возложены такая обязанность и соответствующие полномочия.

Возвращаясь к предмету исследования, представляется возможным сделать вывод о том, что поиск без вести пропавших лиц является составной частью специального вида государственной деятельности, осуществляемой в соответствии с установленными нормативными документами специальными уполномоченными лицами, в пределах своей компетенции.

Органы, осуществляющие ОРД, начинают свою поисковую работу с момента регистрации заявления о факте пропажи лица без вести.

Для установления причины безвестного исчезновения лица должен быть незамедлительно спланирован и проведен комплекс ОРМ. К числу наиболее значимых относятся: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Сущность опроса заключается в получении информации в процессе общения с родственниками и знакомыми пропавшего без вести об обстоятельствах исчезновения лица. Может проходить гласно, т.е. с фиксацией показаний в протоколе, а может проходить и конфиденциально, т.е. без фиксации показаний. Является одним из наиболее важных оперативно-розыскных мероприятий, поскольку именно вербальный способ получения информации позволяет оперативно установить жизненные обстоятельства, интересы, увлечения, характер, склад ума и т.д., что позволяет составить психологический портрет пропавшего. Результаты изучения психологического портрета пропавшего работника, осуществляющие ОРД, могут использовать для установления в том числе, и виктимности пропавшего.

Другим важным оперативно-розыскным мероприятием является наведение справок – действия, направленные на получение информации путем непосредственного изучения документов, материалов, баз данных, направления различных запросов. В процессе проверки заявления о безвестном отсутствии лица обязательными являются запросы в больницы, морг, бюро регистрации несчастных случаев, информационные центры управлений внутренних дел, паспортно-визовые и адресно-справочные службы. Направление запросов является на первый взгляд формальным, но важным действием, поскольку из полученных ответов может быть получена важная информация. Например, если пропавший состоит на учете в психо-

неврологическом диспансере, то необходимо получить максимально подробные сведения о характере его заболевания, психологических особенностях разыскиваемого (например, склонность к ночным прогулкам)

Самостоятельный интерес представляет сбор образцов для сравнительного исследования – без этого мероприятия часто бывает затруднительно получить заключение эксперта по тем или иным вопросам. Данное мероприятие будет полезно, если например, осматривая место жительства или возможные места пребывания разыскиваемого оперативные работники обнаруживают следы крови, слюны, спермы, кусочки ткани, зубы, исследование которых с целью идентифицировать лицо, оставившие такие следы, требует не только специальных знаний, но и предоставления образцов для сравнительного исследования.

В процессе розыска без вести пропавших часто используются исследования предметов и документов, которые проводятся с привлечением специалистов, т.е. лиц, обладающих специальными знаниями и могущих дать соответствующую оценку представленным для изучения объектам. Например, если пропавший увлекается археологией и у него дома с согласия родственников на электронном носителе обнаружена информация о какой-то местности, ее исторических объектах и т.д., можно предположить, что пропавший отправился исследовать такую местность. Однако, прежде, чем отправить туда оперативную группу, необходимо детально изучить местность по состоянию на сегодняшний день, почву, погодные условия и т.п. для правильного понимания того, с чем можно столкнуться и к чему необходимо готовиться в данном случае будут учтены оценки специалистов.

В отдельных ситуациях представляющая интерес информация может быть получена при производстве такого оперативно-розыскного мероприятия, как отождествление личности, сущность которого заключается в негласном опознании и установлении тождества личности по признакам внешности и поведения. Хорошие результаты могут быть получены в процессе поиска пропавшего по горячим следам, например у магазинов, общественных мест, около дома.

Определенная информация может быть получена также при обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, которые заключаются в непосредственном или опосредственном (с использованием технических средств) визуальном осмотре и изучении указанных объектов, с целью выявления лиц, фактов и обстоятельств, имеющих значение для поиска пропавшего.

Результаты перечисленных выше действий (ОПМ) являются весьма

важными при поиске без вести пропавшего лица, они оцениваются и анализируются в единой совокупности, что позволяет выдвигать обоснованные версии о том, где может находиться пропавший, что с ним могло случиться. Это в свою очередь позволяет сотрудникам органов внутренних дел обоснованно определять направления поиска и планировать дальнейшие действия.

Изучение материалов практики позволяет обосновать вывод о том, что граждане пропадают по причинам, которые могут быть объединены в две группы: 1- причины, не связанные с совершением преступления в отношении пропавшего без вести; 2 – причины, связанные с совершением преступления в отношении пропавшего.

К числу первых относятся: наступление смерти в результате несчастного случая, болезни или стихийного бедствия, скоростной смерти или смерти от перенесенных заболеваний; потеря ориентации на местности в связи с престарелым возрастом или психическим заболеванием (маразм, психозы, шизофрения и др.); нежелание уплачивать налоги или алименты, неудовлетворенность семейной жизнью. Дети чаще всего убегают из дома в результате жестокого обращения родителей с ними [4]. Однако, по социологическим данным, 80 % граждан пропавших без вести, являются жертвами преступлений [5].

К числу вторых могут относиться обстоятельства, указывающие на возможное совершение преступления в отношении без вести пропавшего лица: отсутствие причин к отъезду, наличие полученной информации о возможном совершении преступления в отношении без вести пропавшего, наличие по месту жительства основных документов (паспорта) и жизненно необходимых предметов, предварительные угрозы пропавшему лицу.

В поиске пропавшего лица работникам нередко приходится устанавливать личности неопознанных трупов. Большинство из тех, чьи трупы обнаружены, находятся в розыске. При обнаружении трупа, чья личность не установлена, большое внимание уделяется отождествлению по имеющимся данным: по фотографиям без вести пропавших, их описаниям, особым приметам, вещам, которые могли находиться у пропавшего. Проводится поиск документов, которые могут быть использованы для установления личности погибшего. В необходимых случаях проводят дактилоскопическую экспертизу. Личность погибшего может быть установлена в результате проверки по криминалистическим учетам: ранее судимых, задержанных, пропавших без вести и др.

Если в результате исследования трупа будет установлено, что имело место совершение преступления в отношении потерпевшего,

решается вопрос о возбуждении уголовного дела и осуществляется розыск совершившего преступления лица. В случае установления факта наступления смерти без криминальных причин данный факт отражается в материалах розыскного дела, о нем обязательно уведомляют родственников и близких лиц (супругов), которых так же привлекают для опознания трупа.

Правильно и своевременно организованный и проведенный поиск, активность и целеустремленность проведения оперативно-розыскных мероприятий позволяют, как правило, установить обстоятельства, при которых пропал человек, и причины, по которым это произошло.

References:

- 1.Федеральный закон Российской Федерации №3-ФЗ «О полиции» редакция от 22.12.2014 г.
- 2.Федеральный закон Российской Федерации №144 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» редакция от 21.12.2013 г.
- 3.Толковый словарь русского языка под редакцией Ожегова С.И. 1997 г.
- 4.«Оперативно-розыскная деятельность» учебник под редакцией Климова И.А., Дубоносова Е.С., Тузова Л.Л. 2014 г.
- 5.«Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества» монография Гыске А.В. 2001 г.

JUDICIAL POWER

TO THE QUESTION ABOUT THE AUTHORITY OF THE JUDICIAL POWER IN RUSSIAN FEDERATION

¹L. Kosenko

²S. Kosenko

³K. Shestakov

- 1. English teacher, School number 19 Volzhsky city, Russia.*
- 2. Teacher of legal disciplines, Volga Institute of Economics, education and law, Russia.*
- 3. Student, Volga Institute of Economics, education and law, Russia.*

This article covers different problems of the judiciary, it is proposed to increase it through the same mechanism that gives rise to the judiciary itself – the separation of powers, and the ability to analyze ethical misconduct of judges, undermining the authority of the judiciary to other persons.

Keywords: judicial power, the authority, the principle of separation of powers.

В начале данной работы, попробуем определиться с тем, что же такое судебная власть и как возможно определить понятие «авторитет судебной власти». К вопросу о судебной власти мы переходим, помня, что разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную – это один из основных принципов правового государства. Суть же заключена в том, чтобы «не допустить сосредоточения власти в руках одного лица или небольшой группы лиц и тем самым предотвратить возможность ее использования одними классами или группами людей во вред другим» [1;с.291]. Интересно на этот счет сказано в ст.30 Конституции штата Массачусетс: «В государственном правлении Республики законодательная власть не должна выполнять функции исполнительной и судебной властей или какую-либо одну из указанных функций; только в этом случае это будет правление на основании закона, а не по воле людей.» [2].

Согласно абз.2. п.55 Постановления Европейского суда по правам

человека (далее – ЕСПЧ) от 26.04.1979г. «Санди Таймс против Соединенного Королевства» [3], понятие судебной власти охватывает механизм осуществления правосудия, ветвь государственной власти, а также самих судей при осуществлении ими своих должностных обязанностей.

Под судебной властью, например, Л.П.Рассказов определяет «независимую ветвь государственной власти, осуществляемую путем гласного, состязательного, как правило коллегиального, рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях споров о праве» [4;с.162].

Таким образом, мы видим, что и практика и теория указывает на судебную власть как на одну из ветвей власти в системе разделения властей.

Выражение "авторитет судебной власти" выражает идею о том, что суды - это органы, призванные подтверждать юридические права и обязанности и решать споры о них; широкая публика должна воспринимать их в таковом качестве и с уважением и доверием относиться к способности суда выполнять данную функцию [3].

Полагая, что с определением искомых понятий, можно остановиться на определениях, закрепленных в Постановлении ЕСПЧ, перейдем к анализу составляющих элементов авторитета судебной власти в РФ.

Безусловно, авторитет судебной власти зависит, в первую очередь, от самого судьи – того имиджа, образа, который он создает, и, находясь на рабочем месте, и вне его.

В РФ судебная власть имеет бесспорный авторитет. Исторически это произошло в результате провозглашения такового, а не в результате осознания такового населением [5;с.146]. Правосудие всегда осуществляется судом, а изменить законы судья не в силах. Судебная власть - это, первым делом, олицетворение справедливости. Вершители правосудия рассматривают точки зрения обеих сторон. Судья никогда не должен поддаваться воздействию на него одной из сторон. Трудно рассчитывать на то, что во всех случаях решение, принятое по гражданскому спору, удовлетворит обе стороны. Безусловно, ситуации, когда один и тот же суд вначале принимал одни решения, а через некоторое время по таким же делам другие, подрывают и умаляют авторитет судебной власти. Разумеется, нельзя заблуждаться лишь ради обеспечения единообразной практики. Но такие случаи, если и невозможно полностью исключить, в первую очередь из-за сложности и противоречивости некоторых законодательных актов, то принять меры к тому, чтобы свести их к минимуму.

Таким образом, нами упомянуто, и, выступает как аксиома тот факт, что судья, в своей деятельности обязан руководствоваться об-

щими принципами права, законодательством, и, применять нормы права, действуя единообразно. Особо хотелось бы остановиться на анализе случаев, когда судебные акты принимались вопреки сложившейся практике вышестоящих судов. Чаще это делалось в результате плохого ее изучения, но есть и примеры, когда подобные решения суд принимал сознательно, полагая подходы вышестоящих судов ошибочными [6]. Действительно, есть претензии и обоснованные, когда судьи, осуществляя правосудие от имени Российской Федерации, по логике вещей, как люди, сдавшие квалификационный экзамен, имеющие высшее образование, позволяют себе допускать массы ошибок в решениях. Иногда оглашение решений вовсе превращается в фарс. Любопытны и дела, когда судьи используют нецензурные выражения «от лица Российской Федерации», и рассматривают дела без прокурора, участие которого обязательно, при этом, вписывая его как лицо, которое принимало участие в деле... [7]. Немало есть претензий к лицам, отправляющим правосудие. Но, в первую очередь – это люди, причем люди, которые действуют в тех условиях, которые им были созданы.

Именно создание соответствующих механизмов, которые будут направлять действие конкретных судей в русле принятия качественных решений (повышение качества законодательно принимаемых актов, повышение юридической техники), уменьшение нагрузки на одного судью, и предоставление больше времени для работы над конкретным делом, исключение (минимизация) коррупционных составляющих, реализация механизма, когда, предоставляя широкие полномочия судье и гарантии неприкосновенности ему и членам его семьи, осуществляется неотвратимый спрос за совершение нарушений как дисциплинарного, так и иных нарушений, в том числе, этического характера. Только реализация подобных мер в совокупности, может повлиять на повышения авторитета судебной власти.

Интересная мысль высказана о том, что до тех пор, пока система, разбирающая дела в отношении судей состоит из тех же самых судей, толку будет мало. Квалификационные коллегии должны быть по настоящему независимыми [8].

Действительно, как мы уже отмечали, судебная власть необходима для уравнивания деяний законодательной и исполнительной, то есть функции всех властей строго разделены. А внутри самой судебной власти, которая должна блюсти подобный принцип, сами же судьи и рассматривают деяния в отношении коллег. То есть, подобный подход к рассмотрению дел, умаляющих авторитет судебной власти, по определению, сомнителен.

Раз уж, вспоминать про механизм сдержек и противовесов, то,

вполне возможно, было бы вспомнить о других ветвях власти, ответственности, имеющей определенный статус – докторов наук, заслуженных юристах России и т.п., то есть людях, которые и не далеки от права как такового, но, с другой стороны, имея собственный авторитет, не относятся напрямую к судебным органам, отсюда, могут выступать пусть и относительно, но беспристрастными арбитрами в таких делах.

Только принятие мер целиком, совокупно, позволит поднять авторитет судебной власти, к которой, пока что, доверие граждан, невелико.

References:

- 1.Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – Москва: Проспект, 2013.
- 2.Конституция штата Массачусетс 1780г. URL: <http://constitutions.ru/?p=7699> (режим доступа: 24.12.2014).
- 3.Постановление ЕСПЧ от 26.04.1979 «Санди Таймс против Соединенного Королевства». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/16659455/14112682/> (режим доступа: 24.12.2014).
- 4.Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 5-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014.
- 5.Зотов Д.В., Сыщикова Т.М. Какой поступок умаляет авторитет судебной власти?//Судебная власть и уголовный процесс. 2013. №2.
- 6.Наумов О.А. Авторитет правосудия: мелочей не бывает. URL: <http://www.vkks.ru/publication/180/> (режим доступа: 24.12.2014).
- 7.Напр., Мельников Е. ККС наказала судью за прокурора-призрака//ПРАВО.РУ. 30.10.2014.URL: <http://krasn.pravo.ru/pravoru/view/49564/> (режим доступа: 24.12.2014)
- 8.Печников Г.А., Осин В.В. О суде и правосудии//Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. №18. URL: <http://elibrary.ru> (режим доступа: 24.12.2014).

Scope Academic House
UK, S YORKSHIRE, SHEFFIELD

B&M Publishing
USA, San Francisco, California

2nd International Conference «*Modern jurisprudence: legal thought and enforcement practice*». Conference Proceedings. Scope Academic House, December 28, 2014, Sheffield, UK. 106 pp.

PQN 100

ISBN-10:1941655157

ISBN-13:978-1-941655-15-3

DOI: 10.15350/UK_1/2